

Василий Ирзабеков
Тайны русского слова

Василий Ирзабеков

Эта в своем роде уникальная книга о созидательной силе русского языка необычна тем, что ее автор - Ирзабеков Фазиль Давуд оглы - азербайджанец по национальности. Для него, коренного бакинца, русский язык стал родным - после окончания Института русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова он преподавал русский язык иностранным студентам в Азербайджанском государственном университете, работал заместителем председателя Республиканского совета по делам иностранных учащихся. Переехав в 1992 году в Москву, работая ответственным секретарем Общества российско-азербайджанской дружбы, Фазиль Ирзабеков стал еще глубже ощущать глубинное родство двух культур. В 1995 году на русской земле он принял Таинство Святого Крещения с именем Василий. В 2001 году создал и возглавил Православный центр во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), получивший благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, является помощником настоятеля храма Косьмы и Дамиана на Маросейке.

Для Василия Ирзабекова русский язык стал более чем родным - он стал сутью и нервом его жизни. Он борется за чистоту русского языка как публицист, участник и организатор духовно-просветительских конференций (в том числе и международных). Его лекции в школах, светских и духовных учебных заведениях не могут оставить равнодушными, потому что зажигают в сердцах любовь к русскому слову.

Ваши мнения, предложения и пожелания о книге вы можете направлять автору по адресу: ifazil@mail.ru

Предисловие. Душа России

О чем эта книга, которую вы взяли в руки, быть может, из любопытства? О нашем языке? Нет — она о Боге. О Том, Который сотворил мир Своим Словом (Ин. 1,13), Который Сам есть Слово.

Наша будничная речь привычна для нас, как дыхание, но в то же время она либо исполнена Божественным отсветом, либо искалечена лукавой лексикой. Апостол Иаков напрямую связывал нашу речь с духовной жизнью, со спасением: *«Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело»* (Иак. 3, 2). Но язык — это и великая заповедь творчества: человек получил от Господа возможность творить посредством своего слова. Это и бесценное сокровище, которое мы часто бездумно расточаем.

Все ли мы помним про нашу ответственность перед Богом за слово? А она велика, о чем предупреждают нас евангельские строки: *«За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда»* (Мф. 12, 36). Поразительно, но наше слово — станет главным свидетелем о нас на Суде Божиим: *«От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься»* (Мф. 12, 37). Недаром и представители современной науки, например академик Ф.Я. Шипунов, утверждают, что раз произнесенные или воплощенные в событиях слова *«запечатлеваются в любой точке Вселенной навсегда»*.

«Мы обязаны знать, — пишет профессор доктор филологических наук В.Ю. Троицкий, — одухотворенный русский язык — душа России, ее святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние, без которого человек (и народ!) теряет свое лицо, при поругании которого народ испытывает, ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, оттесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово. Слово дано для стремления к истине. Судьба наша — в словах, нами произносимых».

Но что же может напомнить современному человеку о духовной сущности как слова, так и великого родного языка в целом? Иногда это может быть свежий взгляд того, кто родился в иной культуре и потому особенно остро переживает богоданность русского языка. Я встретил такого человека — было это еще во время моей учебы в Московской Духовной Академии. Во время разговора о происхождении русских слов с иностранцем, православным епископом, знатоком русского языка, я услышал от владыки восторженные слова: *«Вы, русские, очень счастливые люди. Слова вашего языка творили святые. Слова эти все свидетельствуют о Боге, о вечности, призывают ко спасению, в Царствие Божие»*.

А несколько лет назад на православной конференции в Саратове произошла другая (считаю — промыслительная) встреча. Я познакомился с азербайджанцем Василием Давыдовичем Ирзабековым, который оказался филологом, исследователем русского языка. Его удивительные, яркие выступления целиком захватывали слушателей, высвечивая то, что мы обычно не замечаем: язык наш — это великое духовное достояние, святыня нашего народа. Тогда я горячо порекомендовал ему написать об этом книгу. И вот я с радостью держу в руках рукопись.

Книга Василия Ирзабекова «Тайна русского слова» — это признание в любви к русскому языку. Она утверждает высокий строй души русской, связанной с Божественным Светом Истины. Это не специальное лингвистическое исследование, а скорее, популярное, чрезвычайно живое, образное и острое размышление о связи языка и духовности, культуры

русской речи и здоровья души. Она говорит о силе и скрытых возможностях слова. Девизом ее я бы поставил слова: *«Кто светел, тот и свят»*.

На примере жизни и творчества самого автора можно видеть, как благодатное слово преображает национальные покровы сознания, делая их общечеловеческими, надкровными.

Исследуя в своей книге природу слова как такового, его внутренний, изначальный смысл, говоря о таинственных корнях человеческой культуры и цивилизации, Василий Ирзабеков приводит яркие примеры связи слова с явлениями и предметами культуры. Он обращается к людям разного уровня мышления, воспитания и образования — и каждый может найти в этих размышлениях что-то свое, сокровенно затрагивающее душу. Примеры и рассуждения автора о связи слова и души человеческой особенно актуальны в наши дни — дни поругания слова, разнузданности уличной, да и общественной речи.

Всем строем своей книги автор утверждает: там, где нарушается божественное достоинство человеческого слова, там происходит искажение божественного достоинства человека, его образа, его «иконы», там происходит отход от Творца, от нравственности, от культуры человеческих отношений — и человек становится рабом, скотом, зверем, не помнящим своего родства.

Проповедуя единство души человеческой («души одной», по слову автора), Василий замыкает свой очерк на Святой Руси, на Православии как на конечной составляющей «всечеловечества». Вновь стать русскими, обратиться к своим духовным истокам — таков призыв этой книги к нашим современникам, отчасти раскрывший «тайну русского слова» и его глобальный смысл в нашу эпоху тотального грехопадения.

Игумен Петр (ПИГОЛЬ), кандидат богословия, первый проректор Российского православного института св. Иоанна Богослова, декан философско-богословского факультета, зав. информационно-издательским сектором Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, главный редактор альманаха «К Свету»

1. Язык Бога или язык черни?

Удивительно, но язык каждого народа, пусть даже немногочисленного, обязательно содержит в себе информацию о Боге. Точнее, те представления о Творце, которые бытуют именно в этой конкретной общности людей. Даже у полудикого племени индейцев, затерянного где-нибудь в джунглях Амазонки, в их весьма скудном, на наш просвещенный взгляд, лексиконе наверняка найдутся слова, относящиеся к их божествам. Воти получается, что если безбожного человека еще можно встретить, то безбожного языка просто быть не может.

Так, в лексике некоторых тюркских языков мы встречаем интересные параллели со Священным Писанием. Скажем, в азербайджанском языке слово *человек* звучит как *адам*, что сразу же возводит нас к самым истокам ветхозаветной истории. Слово *предатель* произносится как *хаин* — да-да, тот самый Каин, совершивший самое первое и тяжкое предательство: убийство единокровного брата. Значение *чуждый, неместный, несведущий, не наш человек* — это *хам*, что также не нуждается в особых комментариях. Такая вот причудливая ветхозаветная матрица.

Что касается русского языка, то мы можем говорить о нем, как о явлении сакральном. При внимательном любовном рассмотрении становится ясным, что он повествует нам об Иисусе Христе, содержит сокровенное знание о Нем.

Корни и мысли

Начнем со слова *человек*: что оно значит в русском языке?

Обращаясь с этим вопросом к различным аудиториям, нередко слышал в ответ: «чело» и «век». Однако это не несет в себе никакой смысловой нагрузки, чего попросту не может быть. Невероятно, чтобы слово, означающее в столь богатом языке понятие *венец Божьего творения*, было случайным набором не стыкующихся меж собой смыслов. Вспоминаю в этой связи, как был участником отпевания блаженного младенца, который прожил три неполных дня, но, к счастью, его успели окрестить. Я еще поинтересовался тогда у священника: какие же грехи у этого крошечного создания? И услышал в ответ, что даже новорожденный несет на себе печать первородного греха, — и в этом заключается одна из тайн человеческой природы. Немало повидавший за свои более чем полвека, я не нашел тогда в себе мужества взглянуть на *чело* этого ангелочка. А уж какой там век?! Но Церковь отпевала именно *человека!*

Так что же значит это удивительное слово — *человек*?

Замечательное объяснение нашел я в «Славянорусском корнеслове» Александра Семеновича Шишкова. Но сначала скажу несколько слов о самом этом великом русском человеке. Адмирал и госсекретарь, один из славных защитников Отечества, верой и правдой служивший четырем царям, министр просвещения и президент Российской Академии наук, он посвятил свою книгу государю Николаю I. Цель труда всей своей жизни он выразил в следующих словах: *«Попытаемся, откроем многое доселе неизвестное, совершим главное дело и оставим будущим временам и народам обдуманное, обработанное и требующее для дальнейшего исправления уже мало попечений».*

Человек необычайной популярности, яростный поборник чистоты родного языка, Александр Семенович ратовал за удаление из него вошедших в моду многочисленных иноязычных заимствований, связанных с тогдашним засильем французского. Протест его был направлен также и против засилья французских гувернеров, заполонивших Россию, — воспитателей будущей элиты общества.

Однако А.С. Шишков находил поддержку и понимание не у многих своих современников, большинство считали иначе: *«Дитя играючи научится сперва говорить, потом читать, потом писать, и как французский язык необходимо нужен, напоследок будет писать так складно, как бы родился в Париже...»*

«В этой-то самой мысли, — не соглашается А.С. Шишков, — и заключается владычество его над нами и наше рабство. Для чего истинное просвещение и разум велят обучаться иностранным языкам? Для того чтоб приобрести познания. Но тогда все языки нужны. На греческом писали Платоны, Гомеры, Демосфены; на латинском Вергилии, Цицероны, Горации; на итальянском Данты, Петрарки; на английском Мильтоны, Шекспир. Для чего ж без этих языков мы можем быть, а французский нам необходимо нужен? Ясно, что мы не о пользе языков думаем; иначе за что нам все другие так унижать пред французским, что мы их едва разумеем, а по-французски, ежели не так на нем говорим, как природные французы, стыдимся на свет показаться? Стало быть, мы не по разуму и не для пользы обучаемся ему; что ж это иное, как не рабство?» И далее: *«Я сожалею о Европе, но еще более о России. Для того-то, может быть, Европа и пьет горькую чашу, что прежде, нежели оружием французским, побеждена уже была языком*

их».

И это именно к А.С. Шишкову обращается на страницах «Евгения Онегина» его автор, в который раз используя в тексте романа иностранные слова в оригинале:

Di come il faut...

(Шишков, прости:

Не знаю, как перевести.)...

Однако вернемся к теме нашего разговора — о сокровенном значении слов в русском языке. В своей книге А.С. Шишков пишет: *«Исследование языков возведет нас к одному первобытному языку и откроет: как ни велика их разность, она не от того, чтоб каждый народ давал всякой вещи свое особое название. Одни и те же слова, первые, коренные, переходя из уст в уста, от поколения к поколению, изменялись, так что теперь сделались сами на себя не похожими, пуская от сих изменений своих тоже сильно измененные ветви. Слова показывают нам, что каждое имеет свой корень и мысль, по которой оно так названо».*

Человек словесный

Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана.

Вильгельм Кюхельбекер

Так что же все-таки означает слово *человек*? А.С. Шишков возводит его этимологию непосредственно к понятию «слово»: **слово** — *словек* — *цловек* — *чловек* — *человек*. И дело не только в том (хотя и это немаловажно), что таким образом подчеркивается главное отличие людей, как существ словесных, мыслящих словами, от всего живого, сотворенного Богом, но и в том, что *Слово* — это прежде всего имя Самого Бога! На какую же неизмеримую высоту поднимает нас эта мысль, какое высокое достоинство придано всем нам. Вспомним Евангелие от Иоанна: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин. 1, 1-3).

Больно слышать, когда Православную веру пытаются (и попытки эти в последнее время становятся все более настойчивыми) представить всего лишь одной из религий. Можно ли с этим согласиться? Ни в коем случае. Ведь Господь Бог наш Иисус Христос, в Которого мы веруем, личностен. Именно в этом заключается коренное отличие нашей веры от иных религий. Господь был явлен нам, воплотившись, жил среди нас, учил и исцелял нас, радовался и горевал вместе с нами, принял за нас крестные страдания. И разве не этим сокровенным делится с нами святой апостол Иоанн: «*О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривала и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы а вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом*» (1 Ин. 1, 1-3). И далее: «*Сей ученик и свидетельствует о сём, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его*» (Ин. 21, 24). Вспомним, любимый ученик Спасителя даже слышал биение сердца своего Божественного Учителя, прикинув к Нему во время Тайной Вечери. И если пафосом иных верований является мысль о ничтожестве человека пред лицом Всевышнего, то Священное Писание говорит нам о совершенно ином — что мы созданы по образу и подобию Божию. Пречистыми устами Господа нашего Иисуса Христа оно взывает к нашему с вами Небесному достоинству. «*Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*», — читаем в Евангелии от Матфея (Мф. 5, 48). «*Посему ты уже не раб, но сын*», — вторит святой апостол Павел (Гал. 4, 7). Но если Отец наш есть Слово, то рожденные от Него, конечно же, *словеси, чловеки, человеки*. И это уже родство не только по плоти от ветхозаветного праотца Адама, о котором мы упомянули ранее. Все неизмеримо выше, божественнее, сокровеннее.

«Над небом голубым!..»

Не знаю, читал ли Николай Васильевич Гоголь Шишкова, но как проникновенны его слова из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: *«Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».*

Кстати, нелишне будет поведать о той печальной метаморфозе, которую претерпело само слово *гражданин* в советский период нашей истории. Ведь именно тогда оно стало ассоциироваться с понятием *казенщина*, более того, с весьма специфичным понятием общения с *«гражданином начальником»*. Вспомним, будучи заподозрен в чем-то противоправном, человек из дружественного разряда *«товарищей»* автоматически переходил в печальную группу изгоев — *«гражданин»*. А ведь изначально слово это обозначало высшую похвалу и пожелание православному человеку стать по завершении земного бытия насельником Небесного Града Иерусалима, и именно от этого *Града* ведет свое происхождение высокое слово *гражданин*. Не потому ли так нелепо звучат для нас, нынешних, бывшие некогда хрестоматийными строки: *«Смотрите, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!»*

Вот и в популярной песне Б. Гребенщикова *«Под небом голубым»* (авторство его мне кажется весьма сомнительным, так как и мелодия, и слова эти известны не одно столетие) всего из-за одного-единственного предлога искажен ее сокровенный смысл. На самом деле стихотворение это звучит несколько иначе: *«Над небом голубым есть Город Золотой»*. Речь в этой песне идет все о том же Небесном Граде Иерусалиме.

А взять, к примеру, слово *славяне* — по Шишкову, это люди, одаренные особым даром слова. И это правда: ни у одного народа в мире нет больше такой великой литературы, каковой является русская словесность. Конечно, есть множество народов, литература которых насчитывает не одно столетие и даже тысячелетие, но дело не в возрасте. Хотя по историческим меркам русская словесность еще достаточно молода в силу юности нации, главное ее отличие от всех иных — прежде всего, в том, что в творениях ее классиков, как ни в какой иной литературе, показана вся глубина, все неуловимые оттенки движения души человеческой, и ее ангельские, лучезарные взлеты, и тяжкие мрачные падения. Никогда и нигде не ставились доселе так властно и с такой пронзительной любовью и болью *«проклятые вопросы»* человеческого бытия. А потому, отмечая то огромное влияние, которое она неизменно оказывала на весь строй души русского человека, на его умонастроения и в конечном итоге на судьбы нации, находившийся в эмиграции Иван Бунин в 1925 году горько констатирует: *«Нынешнему падению России... задолго предшествовал упадок ее литературы».*

Вспоминаю, как покойный дед мой, окончивший классическую гимназию, а позже преподававший в ней, неизменно называл литературу *словесностью*. Невольно задумываешься о том, как же правильно обозначали наши воистину просвещенные предки важнейшую область человеческой деятельности, более иных связанную с человеческой душой: именно *словесностью*, а не *литературой*, где *литера* — все лишь буква. Воистину: *«Имеющий ухо (слышать), да слышит»* (Откр. 2, 17).

Вся правда Христова

Язык классической нашей литературы XIX века весьма богат потому, что создавали его люди глубокой мысли, люди высоких стремлений... Если язык русский есть богатство, наследие отцов наших, то славные писатели наши, как добрые сыны, приумножают отцово наследие. Не департамент одобрил их речь, не министерство рекомендует — нет, весь народ русский на Севере, на Волге, в срединной России, в Сибири читает и слушает эту речь и находит, что все сказано статно и внятно.

Борис Шергин

Не так давно в культурной жизни нашей страны произошло событие мирового значения: прославленная балерина Майя Плисецкая отмечала свой юбилей. В одном из телевизионных интервью восьмидесятилетняя балерина (она мужественно не скрывала своего возраста, не буду делать этого и я) заявила: *«Вот говорят, что в начале было слово, а я говорю, что в начале был жест»*. Эффектно, ничего не скажешь, но отчего-то стало грустно. Не хочется думать, что великая танцовщица так и не удосужилась открыть Евангелие от Иоанна. Или, может, не заметила, что в первой же фразе *Слово* написано с большой буквы. Ибо это Бог.

Как оказалось, можно дожить до весьма солидного возраста, сохранив прекрасную физическую форму (согласитесь, сегодня это все же редкость), снискать заслуженную мировую славу, но так и не уразуметь того, что было осознано и, что гораздо ценнее, прочувствовано полуграмотным, а то и вовсе безграмотным простым русским человеком и два, и три, и пять веков назад.

«Я утверждаю, — пишет Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя», — что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, — но это возражение пустое: все знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: "Господи Сил, с нами буди!" И тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что кроме Христа у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова».

Так можем ли мы не ощутить драгоценность языка русского, несущего нам «всю правду Христову»? Можем ли остаться равнодушными к раздумьям великого писателя: *«Главная же школа христианства, которую он прошел — это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных за всю историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!»*

2. Кто светел, тот и свят

Давно известно, что восприятие какого-либо предмета или явления во многом зависит от того, с каких позиций мы их воспринимаем. Меняется ракурс — и тогда слова, привычные слуху и не сулящие, казалось бы, ничего нового, приобретают совершенно иной смысл. Блистают — как дивной красоты алмаз — многоцветием граней. И тогда по-новому осознаешь, кажется, давно известное: что в том же слове *образование* содержится очень важная для всех нас — и тех, кто учит, и тех, кто учится — информация. Ведь корень этого слова — *образ*, то есть *икона*.

Сам язык наш многомудрый подсказывает нам, тугоухим, что самое главное для «образователей» всех ступеней вовсе не передача суммы неких знаний. Это подразумевается само собой. Куда важнее, оказывается, восстановление в человеке образа Божия. Да-да, извечное христианское стремление вернуть человеку, созданному по *образу* и *подобию* Божию, *иконичность*, некогда им трагично утраченную. Нам, Иванам, не помнящим своего высочайшего родства, русский язык настойчиво напоминает о нем, зовет прежде к постижению — еще до законов физики и химических формул, до математических уравнений и правил грамматики — именно этого совершенства. А потому и *безобразие* — есть именно потеря образа Божия. И как же понятна становится наша любовь к иконам, трепетное к ним отношение, ведь *образ* всегда стремится к *первообразу*.

Такой же подход нужен и к слову *наказание*. В процессе образования и воспитания никак не обойтись без наказания, однако понимать его нужно не как истязание, а как дачу *наказа*, то бишь наставления. Словом, наказание есть не что иное, как важная органичная составляющая этого процесса.

Внутренний гордец сопротивляется

Это как же, восклицает наш внутренний гордец, — всякий человек есть икона?! А как же убийцы, террористы, воры, всякого рода проходимцы, которым несть числа. Парадоксальность (но только внешняя!) заключается именно в том, «то и они, так страшно распорядившиеся данной им божественной свободой воли, — тоже созданы по образу и подобию, тоже иконы, только порой поврежденные до неузнаваемости».

Восстановить утраченную иконичность под силу ее Создателю, Которому, в отличие от людей, все возможно. Так это происходило в истории христианства со многими святыми. Так случилось и с Савлом, который непостижимым для нас Промыслом Божиим из неистового гонителя христиан превратился в святого первоверховного апостола Павла. Так случилось в одночасье на Голгофе с благоразумным разбойником, который принес искреннее покаяние и первый последовал вслед за воскресшим Спасителем в рай.

Думаю, с понятием *иконичности* тесно связано понятие *личности*. Вспомним, сколько копий было сломано, сколько слов потрачено педагогами и философами, писателями и политиками, всевозможными специалистами в области образования и воспитания по поводу формирования гармонически развитой *личности*, как непримиримы порой их позиции в определении самого главного — критериев этой самой личности. И это изрядно поднадоевшее: а Наполеон — личность? А Чингисхан? А Сталин?

Нельзя не обратить внимания на то, что «номинантами» на роль личностей, как правило, выступают люди, пролившие моря крови. И разве это не красноречивое свидетельство нашей ущербности? Ведь обретение личности — это, прежде всего прочего, уподобление Тому, Кто есть носитель *Лица*. И именно по этому пути шли все наши святые, иного просто нет.

Что же касается пресловутых критериев, то о них убедительно свидетельствует Евангелие: это слова и поступки самого Христа. Личность — это Тот, Кто, будучи Господом, смиренно умывает пыльные ноги своим ученикам, простым галилейским рыбакам. Личность — это Тот, Кто с необозримой высоты Голгофского Креста, истекая кровью, зверски избитый и оплеванный, оклеветанный и осмеянный, распятый, одного взмаха ресниц Которого было бы достаточно, чтобы смести всю эту толпу, все это воинство, весь этот неблагодарный, погрязший в мерзостях мир, — просит Отца Своего Небесного: «*Отче! прости им, ибо не знают, что делают*» (Лк. 23,34).

Может ли слово быть без корней?

Не приходилось ли вам задумываться о том, почему нам так больно, именно больно, смотреть на избитое, обезображенное лицо другого человека? Несколько лет назад, оказавшись во время паломнической поездки в Никольском женском монастыре города Арзамас, с болью в сердце припал к иконе Пресвятой Богородицы, над которой глумились в бесовском опьянении безбожники, изрубив топором изображение глаз Пречистой. Но свершилось Божье чудо — и над шрамами заново проявились очи Приснодевы, как вечное напоминание всем нам о том, что святыня норугаема не бывает.

А разве человек — не святыня? И разве допустимо для нас, православных, называть несчастных, обездоленных людей, несущих на себе пусть замутненный, но отпечаток Бога, постыдной аббревиатурой *бомж*, забыв, что подобных людей на Руси всегда называли *бродягами, бедолагами, горемыками, бездомными, босяками*, что — помимо простой *человечности* самого слова — очень точно отражало их состояние. Не будем, следуя заветам мудрых предков, зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы.

Вспомним, однако, что все эти уродливые наросты на нашем языке: «бомж», «зэк», «комбед», «наркомпрос», «наркомпром», «эсэсэсэр» и им подобные — появились сразу же после воцарения безбожной власти. А потому напоенные христианской поэтикой *сестра милосердия* и *брат милосердия* преобразились в *медсестру* и *медбрата*. Смешно сказать, но этой печальной участи не избегло даже слово *жалованье*, превратившись в *зарплату*. Хоть и не худшее из всех «новоязовских» слов, но насколько оно неуклюже по сравнению с его благородным предшественником!

И все это случилось неспроста. Искажение языка — это одно из позорных свидетельств отпадения русского человека от Бога. И тогда человек попросту перестал рассматриваться властью предрежащими как творение Божие, как Его образ. Только так могло появиться и позорящее человеческий образ слово *рыло*, столь печально укоренившееся среди так называемого «простого народа». Вот и запасаются теперь спиртным и снедью в расчете не на человека, а на (прости, Господи!) *рыло*. Почти по Гоголю!

Даздраперма и Урюрвкос

Искажения коснулись и имен. Вспоминаю, как три десятилетия назад в одной южной республике тогдашнего СССР отец семейства, дождавшийся, наконец, после трех дочерей рождения вождя сына, назвал его — Нэрд. Оказалось, такого имени нет ни у одного народа, так что в ЗАГСе поначалу отказались записывать малыша. Не мудрено. Ведь это была аббревиатура, придуманная отцом, которая расшифровывалась как *научный эксперимент Рагима Джавадова* (вот как!). И отец проявил-таки настойчивость, на целых шестнадцать лет (пока у парня не появилась законная возможность самостоятельно взять нормальное благозвучное имя) испоганив жизнь своего единственного наследника и сделав его объектом многочисленных насмешек и издевок сверстников.

Дальше — хуже. На нашей приличной в общем-то улице жили два брата-близнеца, оба отъявленные хулиганы, одного из которых звали Маркс, а другого — Комиссар. Помню, как сокрушались тогдашние взрослые по поводу того, что, дескать, позорят они такие высокие имена. Я же нынче понимаю, что как раз носители именно таких имен имели больше шансов стать бандитами и головорезами.

А чего стоят эти уродливые прозвища-монстры взамен благозвучных имен из святцев, которыми стали во множестве одарять новорожденных, — все эти *Даздрапермы* (да здравствует первое мая), *Вилены* (Владимир Ильич Ленин), *Марлены* (Маркс и Ленин), *Сталины*, *Урюрвкосы* (ура, Юра в космосе)... С каким восторгом извещает своих читателей газета «Известия» за 8 января 1924 года о новых советских ритуалах:

«На нашу молодежь религиозные праздники действуют подзадоривающе. Именно в эти дни хочется подчеркнуть свой решительный отрыв от религиозного прошлого и от всего, что связано с религией. Еще недавно рабочая молодежь на улицах и площадях сжигала изображения и куклы богов и святых всех стран и народов. Теперь, перейдя к более углубленным методам антирелигиозной пропаганды, она сжигает свое религиозное прошлое. И вот каким образом: в Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: Степанова Нина — Нинель, Широкова Мария — Октябриня, Демидов Петр — Лев Троцкий, Марков Федор — Ким, Смолин Николай — Марат Тендро, Гусев Павел — Лев Красный, Клубышев Николай — Рэм Пролетарский, Уваров Федор — Виль Радек, Чельшев Иван — Иван Красный.

Не только комсомольцы и партийцы "перекрещиваются", но нет отбоя и от беспартийных.

-Товарищ, прошу меня перекрестить.

-Фамилия?

-Дворянкин, беспартийный.

-Как хочешь называться?

-Красный Боец.

Их много теперь этих беспартийных "Коммунаров Калыгиных"...»

Но даже малое дитя знает ныне, что «как вы судно назовете, так оно и поплывет». Вот и приплыли.

Философия имени

Вспомним, как завораживает нас родословие Иисуса Христа с первых же строк Евангелия от Матфея. Вспомним, как начинаются молитвы наши: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» И это неудивительно, ведь имя — мистический образ личности! Более того, наше отчество связывает нас с нашим отцом, а фамилия — с целым родом не просто звуковым и графическим образом.

О. Павел Флоренский, посвятивший этому феномену книгу «Имена», пишет: *«Поверьте, что тема личности дается именем, и все остальное — лишь простая разработка этой темы по правилам контрапункта и гармонии... Имена — такие произведения из произведений культуры. Высочайшей цельности и потому высочайшей ценности, добытые человечеством».*

Эпиграфом к ней он поставил слова А.Ф. Лосева из книги «Философия имени», которые не могу не привести: *«А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления, это все отвергать — значит впасть не только в антисоциальное одиночество, но и вообще в античеловеческое, в антиразумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков».*

Пользуясь случаем, прошу многих и многих русских людей отбросить давнюю привычку дурного свойства и не называть близких своих людей, часто жен и мужей, по фамилии или прозвищу, а обращаться к ним дорогими святыми именами.

Троцкий и главкократия

Однако было бы ошибочно думать, что вакханалия с переименованиями распространялась только на граждан. Именно об этом со свойственной ему жесткостью и безапелляционностью вел речь в № 14 «Рабочей Москвы» от 1922 года член Московского Совета Лев Троцкий:

«...Главкократия превратила заводы в номера и думала, что этим можно ограничиться. Все попытки побудить переименовать заводы и фабрики на советский лад разбивались о высокомерие главкократии и непонимание психологической и даже политической стороны этого дела. Это все равно как если бы в армии сохранили полки имени великого князя или герцога Ольденбургского и проч. и проч.

Пора дать, наконец, заводам и фабрикам советские имена.

Наряду с именами вношу предложение: 1) предложить заводоуправлениям, по соглашению с завкомами, представить на общее собрание заводов несколько названий на окончательное голосование самой массы; 2) окончательное утверждение названия принадлежит Московскому Совету; 3) вся эта работа переименований должна завершиться до 5-й Октябрьской годовщины; 4) празднование имени заводов и фабрик приурочить ко дню Октябрьской годовщины; 5) строжайше воспретить, после определенного срока называть заводы в официальных документах, заявлениях, речах, статьях и проч. — именами бывших владельцев».

Без корней?

Возможно, кто-то и спросит: а не все ли равно, как называть? Спешу уверить таковых, что все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Так, слово *бродяга* отдает некоей болью, чего никак нельзя сказать об аббревиатуре *бомж*, из которой выхолощено человеческое чувство, и прежде всего — чувство сострадания к ближнему. Аббревиатура не может вызывать сострадания по определению!

Будучи лишено русских корней, слово лишается смысла, действующего на душу человека. Достаточно сравнить современное «бесчувственное» словечко *киллер* с разящими наотмашь — *убийца* и *душегуб*.

Бескорневой язык — это беда. Лишая наш язык родных корней, мы тем самым грубо обрываем нити, связующие нас с Богом, ибо многие факты русского языка свидетельствуют о том, что он есть для нас не просто лингвистическая система, а живая жизнь, освещенная Божественным светом. В нашем языке удивительным образом запечатлена высокая миссия русской нации.

Рассмотрим слово *святой*, которое сродни слову *свет*. И это не только и не столько поэзия, сколько запечатленная самим языком истина. Вспомним знаменитую беседу преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым о смысле христианской жизни. По свидетельству Николая Александровича, «*служки Божией Матери и преподобного Серафима*», как он себя называл, благодаря которому мы являемся свидетелями замечательного откровения величайшего подвижника нашей веры, келья тогда наполнилась невообразимым благоуханием, а лицо преподобного просияло таким неземным светом, что глазам его собеседника стало невозможно взирать на святого старца. Да и многих других святых отшельников люди, искавшие у них утешения в скорбях, находили, как известно, по тому дивному свету, что озарял по ночам укромные места их подвижнического обитания.

Печальный парадокс заключается в том, что очевидное для одних совсем не обязательно становится таковым для других. Многим невдомек, какой смысл заключается в словах одной из утренних молитв, обращенных к Создателю: «*Ты бо еси истинный Свет, просвещали и освящали всяческая...*»

Вообще слово *просвещение* приобрело в России совсем иной смысл во времена Екатерины II. Новоявленными кумирами российской знати становятся в ту пору известные французские философы и писатели Жан-Жак Руссо и Франсуа Вольтер, перепиской с которыми так гордилась тогдашняя императрица. Это их имена начертаны на своих знаменах французские бунтовщики, которым надлежало положить конец христианской Европе, которые посягнули на установленный Богом миропорядок. Это они, ученики «великих французских просветителей», будут свергать королей и рубить им головы на потеху черни. Случится непоправимое, что в свое время отзовется кровавым эхом и в нашем Отечестве: тягчайшим грехом цареубийства прервется генетическая преемственность высшей власти.

А в это время в далеких от буйнопомещанного Парижа чистых снегах Сарова денно и нощно будет молить Царицу Небесную о помиловании России старец Серафим, смиренно именующий себя убогим. Тысячу дней и ночей коленопреклоненно стоя на камне, он умолял Пречистую Матерь предстательствовать пред Божественным Сыном, чтобы отвести от русского народа эту страшную заразу — революцию. И пусть хотя бы на одно столетие, но

ВЫМОЛИЛ.

Невольно позавидуешь А.С. Шишкову, воскликнувшему некогда: *«Слава тебе, русский язык, что не имеешь слова революция и даже равнозначащего ему! Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе как омерзительно и гнусно!»*

Да, в те воистину благословенные времена русский народ еще «страшно далеко» отстоял даже от декабристов, поднявших бунт против помазанника Божьего. Так что дирижер другого всеразрушительного бунта, сокрушаясь о провале декабристского восстания (дескать, *«страшно далеки они от народа»*), был не так уж не прав в характеристике русского народа.

О носителях света и беснующихся во мраке

Нам, огрубевшим, от нашей материально неблагополучной жизни, самое время напомнить, что крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это — языковой союз, русский языковой союз.

Олег Трубачёв, академик

Как известно, конец — делу венец. Вот и жизнь святых угодников Божиих, этих неугасимых светильников святости, по окончании их земного срока преображается в житие. Но именно их — этих молитвенников и печальников Руси — земные слуги извечного врага рода человеческого нарекут *мракобесами*. Только вслушайтесь: беснующимися во мраке (!).

А как же окончили свой земной путь те, кого некогда в России нарекли *просветителями*? Руссо был убит каминными щипцами конюхом Николасом — любовником его распутной жены, которая не то что не умела читать, а и время-то по часам определяла с трудом. Воспитатель королевских детей, своих собственных чад французский просветитель с беззаботной легкостью обрек на прозябание в казенных сиротских домах. Что касается Вольтера, то конец этого изощренного философа-богохульника, полностью потерявшего рассудок, был таким омерзительным и страшным, что писать об этом даже не поднимается рука. Такие вот «жития»!

И еще несколько слов о *свете* и *мраке*. Вспомним удивительную повесть Владимира Солоухина «Черные доски». Дело происходит в хрущевские времена. Автор книги, тогда еще молодой человек, разыскивает с приятелем древние иконы на руинах разрушенных безбожной властью церковей. И вот одна из многих его встреч, на сей раз с очень древней старушкой, ревностной хранительницей церковных образов. Выяснив, что искомая им ценная икона «Воскресение», похоже, канула в безвестность, Владимир Алексеевич сокрушается: *«Да, жаль. Ценная была икона. Из темноты веков»*. И получает от простой деревенской женщины совершенно ошеломивший его своей философской глубиной ответ: *«Где свет? Где тьма? Вы думаете, когда был монастырь, и когда здесь стояла церковь, и когда мы украшали икону цветами, — вы думаете, у нас в Пречистой Горе было темнее? Ошибаетесь, молодые люди. Икона дошла из света веков, а теперь, как вы сами видите, ее поглотила мгла неизвестности. И вот вы ищете, ищете ее. А почему ищете? Потому что она свет, она огонечек, и тянет вас на этот ее огонек»*.

Неожиданным подтверждением того, что все люди — независимо от веры, которую они исповедуют ныне, — призваны к жизни самим Христом, стал в очередной раз язык. Правда, на сей раз азербайджанский, в котором слово *интеллигент* звучит как *зиялы*, где корень «зия» означает *луч, свет*. Как тут не вспомнить Нагорную проповедь Христа, обращение Его к Своим ученикам с призывом: *«Вы — свет мира»* (Мф. 5, 14)! Как же мудро народное сознание, предполагающее, что истинно интеллигентные люди, подлинная элита нации вне зависимости от рода занятий, — призваны светить людям, быть лучезарными. В том же азербайджанском, как и в других языках, тоже бывают свои прозрения и озарения, подтверждающие, что язык — Божий инструмент, данный Им людям. Так, например, *тварный* и *нетварный свет* называются по-разному: *ишыг* и *нур*. Потому и человек, исполненный добродетели, именуется *нурани* — можно сказать, озаренный Божественным

светом. А разве не удивительно пожелание вослед усопшему: «Пусть могила его наполнится светом!» Тем самым — который нур.

Не перестаешь удивляться тому, как замечательно в русском языке преобразилось значение слова *интеллигент*, уйдя от западного, чрезвычайно узкого, профессионально-функционального понимания. При западном, сугубо рациональном подходе понятие *интеллигент* не соотносится с душевными, а уж тем более духовными свойствами человека. А ведь только из духовного понимания могло родиться наше чеховское: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой».

Идущие по небесам

Сегодня русским писателям и всем, кто участвует в формировании и сбережении русского литературного языка, — любящим Россию общественным и государственным деятелям, публицистам, ученым, учителям-словесникам — нужно осознанно взять на себя ответственность за будущее нашего языка, ибо это будущее зависит от нашей позиции.

Елена Галимова, профессор ПГУ, г. Архангельск

В самый канун 2000-летия Рождества Христова автор этих строк исполнил наконец-то свой давний обет поклониться мощам великого святого, приехав 22 декабря в Дивеево. И сподобился нечаянной радости — стал свидетелем незабываемого торжества прославления святых мощей первоосновательниц обители игуменьи Александры, сестер Марфы и Елены, возлюбленных духовных чад Саровского чудотворца. Последняя панихида и первый молебен... Ну за что мне такая радость?!

Но главное, как оказалось, ожидало впереди. Следующей ночью тысячи паломников крестным ходом понесли раки со святыми мощами по Богородичной Канавке. Хотя температура была довольно низкой, холода, кажется, не чувствовал никто, в том числе и я, позабывший захватить перчатки и несущий в руках приобретенную здесь же икону — специально для младшей дочери, которую незадолго до этого так замечательно исцелил святой Серафим. Икона удивительная: преподобный с кроткой улыбкой на устах кормит из рук сухариком огромного медведя... Пламя свечей, хоругви, иконы, благоговейная молитва. Благодать!

Но вот мы замечаем странное свечение, возникшее на горизонте. Оно напоминает столпы света, уходящие в небо, вернее, соединяющие небо с землей. По мере нашего движения они бледнеют, но вот впереди появляется новый столп, потом еще и еще... Идущие рядом женщины из нашей паломнической группы приостановились, пораженные невиданным зрелищем, и стали спрашивать меня: как это понимать, что это может значить? Что я мог им на это ответить, зачарованно, как и они, взирая на этот свет, прочерчивающий по линии дальнего горизонта свой неповторимый Небесный Крестный ход, параллельный нашему... *«Наверное, это знак того, что пока мы все делаем правильно...»* — только и смог вымолвить в ответ...

Два важных урока вынес я тогда. Чудо оказалось иным, нежели я это себе представлял. Раньше казалось, случись со мной такое, я в ужасе пал бы оземь, совсем как ученики Спасителя, каковыми их изображают обычно на иконе Преображения Господня. Почему же этого не случилось не только со мной, но и с другими свидетелями чуда? Объяснить это могу только так: вот случись такое, скажем, на загаженной станции метро в озлобленной людской толчее или на каком-нибудь рынке с его неизменным сквернословием и удручающей нечистотой во всем, вот тут и вправду — страх и дрожь. Но когда ты шествуешь под чистым звездным небом Дивеева по Канавке Богородицы за мощами новопрославленных святых с молитвой на устах, со святыми иконами и хоругвями — чудо так естественно, так органично. Все вокруг так *свято*, что *светло*. Все: даже сам воздух, земля, по которой идешь, — пронизаны святостью, а значит, и светом.

Еще я осознал тогда, что именно в этом, пусть кратковременном, соборном устремлении к святости мы настолько были устремлены к божественному достоинству (к которому с такой любовью и верой в нас, немощных, неизменно взывает Отец наш), что сами Небеса,

казалось, направляли и укрепляли нас, освещая и освящая наш путь. И что только так, только в таком единении мы — не толпа и не быдло, а та великая нация, о которой чаял великий Гоголь, прозревая будущее России. Вспомним: «...чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни на есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

3. Третий Рим или второй Вавилон?

Под «фейс-контролем» в «блин-хаусе»

Если вы хоть разок проезжали по московским улицам или окружной автодороге, то не могли не обратить внимания на то и дело мелькающие по сторонам огромные рекламные щиты: чего только на них не понаписано, какой только срамоты не понаклеено. А главное, что и не поймешь, на каком таком тарабарском языке. Призывают, скажем, купить *экофлет* в ближайшем Подмосковье. Или, если позволяет мощна, *таун-хаус*. Русскому человеку сразу и не смекнуть, о чем речь. Но не смущайтесь, это, скорее, признак нормальности. Остается только догадываться, что *экофлет* — это, судя по всему, экологически чистое жилье (где английское *flat* — квартира), ну, а *таун-хаусы*, если перевести дословно, — городские особняки. Вроде как все эти слова и понятия есть в нашем с вами языке — ан нет, понаплодили уродцев. Да еще наверняка пресловутая экономика помогает. А как же?! Не может же заковыристый *экофлет* стоить столько же, сколько обычная *квартира*. Да и как не подыграть гордыне: вон мы какие, в *таун-хаусе* живем!

Дальше — больше. Въезжающего в нашу древнюю столицу с севера встречают ныне *гипермаркеты* и *мегамоиллы*: «Ашан», «Мега», «Икеа», «Гранд», «Рамстор», «Мосмарт», «Гроссмарт», «Вэй-Парк», а также всевозможные закусовые: «Макдональдс», «Ростикс», «Пицца-Хат», «Стардодс», «Киностар», «Баскин Роббинс» и т. д. и т. п. То же самое и на других направлениях. И в том же «Ашане», например, снуют по залу юноши и девушки, у которых на спине начертано слово «*мерчендайзер*». Никто из опрошенных мною так и не смог толком объяснить — что это значит. Ну, как тут не согласиться с Пушкиным: «*чем непонятней, тем учней*». Наверняка это что-то сродни *приказчику*, или, на худой конец, младшему *товароведу*. Но, увы, русские слова, как мы знаем, у себя на родине нынче не в чести.

Итак, предположим, вы в первопрестольной и решили слегка подкрепиться — выпить чайку-кофейку, съесть блинов-пирожков. К вашим услугам, однако, не *чайные, кофейни, шашлычные, блинные* да *пирожковые*, куда там, *столовых* да *пельменных* след давным-давно простыл. Пожалте ныне на *бизнес-ланч* в *кофе-хаусы, кебаб-хаусы* и — даже произнести неловко — *блин-хаусы*. Причем любителям ночных развлечений не избежать при этом *фейс-контроля*.

Вот и становятся в одночасье наши исконные *конторы* и *учреждения* — *офисами*, а всевозможные *директора, начальники, заведующие, руководители, старшие, управляющие* — *менеджерами* всех уровней, главный среди которых — *топ-менеджер*. Не оттого ли, что *топает*, как иные ретивые начальники, когда что не по нему?! И уж совсем неловко становится, когда иной батюшка ласково называет *спонсорами* тех, кто — спаси их Господи! — не жалеет своих кровных на возведение, благоустройство и благоуукрашение наших храмов. Но как же не вяжется это прилипчивое заморское словечко, больше напоминающее фамилию какого-нибудь инородца, с куда более приличествующими — *благодетель* или, скажем, *попечитель*.

А тут и младшая дочь-шестиклассница «просветила» нас, познакомив с письменным распоряжением администрации школы ввести *дресс-код*. По-русски это звучало бы как *форменная одежда*, а попросту *школьная форма*, но заморское словечко *дресс-код* кому-то показалось престижнее, или, как принято ныне выражаться, *круче*.

Ну как тут не услышать гневную отповедь А.С. Шишкова, обращенную сквозь столетия к

нам, нынешним носителям великого языка: «Полезно ли славенский превращать в греко-татаро-латино-французско-немецко-русский язык? А без чистоты и разума языка может ли процветать словесность?»

Однако, как это ни парадоксально, иноязычные слова вовсе не помеха богатству языка, их заимствующего. Вопрос в ином: как, в каком историческом контексте происходит этот процесс, какова его интенсивность. Да и русский язык наверняка претерпел бы ощутимый урон, лиши его в одночасье всех заимствований, которые — и это чрезвычайно важно — давным-давно стали своими, родными, «обрусели».

Замечательно сказано об этом у Ярослава Смелякова в стихотворении «Русский язык».

*Вы, прадеды наши, в недоле,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.*

*Вы взяли немецкого малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
ученая важность земли.*

*Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и черной лучиной,
и белым лебяжьим пером.*

*Ты — выше цены и расценки —
в году сорок первом, потом
писался в немецком застенке
на слабой известке гвоздем.*

*Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка.*

С русского на русский?!

Рассуждая о нынешней ситуации, приходится с прискорбием констатировать, что интенсивность заимствования чужеродной лексики достигла угрожающих темпов. Отдельного разговора заслуживает агрессивное вторжение в нашу речь компьютерной лексики. Дрожь пробирает, когда слышишь из уст молодого человека о том, что ему надо *апгрей-дить* машину или дачу. Поясню, этот компьютерный термин означает *усовершенствование*. Поначалу казалось, что он, подобно десяткам иных схожих терминов, не включает в себе никакой угрозы для языка, поскольку касается лишь «железного друга». Случилось по-другому — и сленг все больше заполняет русский язык.

В том же Интернете молодые люди отныне не *общаются* друг с другом, а *чатуются*. Человек, ведущий себя, как принято ныне выражаться, неадекватно, именуется *крезанутым*, от английского *crazy*, означающего *безумие*. Словом, абсолютно чуждый русскому уху сленг, в котором русские корни отсутствуют напрочь, перекочевал в повседневную речь молодежи, нагло потеснив слова родного языка. Дошло до того, что иные печатные издания даже публикуют время от времени некие толковники с русского на русский, дабы помочь родителям этой самой молодежи в элементарном понимании своих чад. Быть может, впервые за тысячелетия существования русской нации возникло реальное разделение отцов и детей, но уже не по идейным или нравственным критериям, как об этом блистательно поведала некогда великая русская литература, а по причине банального неразумения самой речи.

Припоминаю анекдотичный разговор двух московских бабушек, услышанный в начале девяностых, когда наряду с привычными магазинами с довольно унылым ассортиментом стали появляться новые торговые предприятия. Ты, спрашивает одна из них, масло в *магазине* брала? Нет, отвечает ей соседка, в *шопе*.

Нас почти приучили к тому, что мы не *народ*, не *нация*, а *электорат*, к которому политики в глубине души чаще всего не испытывают и тени *респекта*. К слову, в среде политтехнологов принято именовать пресловутый электорат еще и (только вдумайтесь в этот цинизм!) *одноразовым народом*. И это не случайно, ибо пресловутый электорат — это и в самом деле не народ, а только та его часть, которая голосует на выборах. Причем, как правило, за того, у кого привлекательнее *имидж*, над созданием которого денно и нощно бьются орды *имиджмейкеров*. Не по делам, стало быть, выбирают очередного «слугу народа», а по впечатлению, которое он производит. Причем не сам по себе, а опять же по подсказке специально обученных этому лукавству высокооплачиваемых людей, *пиарящих* что есть мочи такого кандидата с помощью специальных политтехнологий, в которых кроются обман и надувательство.

Агрессивно впахивая (простите за столь грубый глагол, но точнее сказать просто невозможно) в нашу речь легионы иноязычных заимствований, нам, по сути, методично вбивают в подсознание мысль о том, что наш-де национальный язык не поспевает за стремительной цивилизацией. И вновь сквозь почти два столетия этому страстно противостоит А.С. Шишков: «*Язык наш превосходит, богат, громок, силен, глубокомыслен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что не его другие языки, но он их просвещать может*».

Смердяковы от языка

Таким образом, *терпимость* ныне обернулась *толерантностью*, *разномыслие* — *плюрализмом*, *соглашение* — *консенсусом*. Русскому человеку предписывают отныне испытывать не *кураж*, *задор* или *азарт*, а *драйв*. Музыка к кинофильму теперь называют *саундтрек*, фильмы обернулись *блокбастерами* и *римейками*, а актеров подбирают не через привычные фото- и кинопробы, а устраивая *кастинг*. Удачный *экшн* обеспечат *промоушном* и прокрутят по *тиви* в *прайм-тайм*. С *крутым хедлайнером* — это *нон проблем*.

А как вам, к примеру, такой разговор: «*Классный тюнинг у тачки! Фарэва! Это бой-френд той бизнес-вумен? Вау! Как насчет бодибилдинга и фитнеса? А может, дайвинг? Хочешь построить коттедж? Определись с бизнес-планом, сайдингом... Ты геймер? Хакер или юзер? Фифти-фифти? О-кей! Как насчет шопинга в уик-энд? Или пати? А может, махнем на биеннале? Скажи, прикольно?..*»

А на телевидении появилась адресованная молодежи очередная развлекательная передача «*Comedy club*», название которой и вовсе пишется не по-русски, хотя легко можно было бы при желании подыскать русский аналог. И все бы ничего — да уж больно отдает каким-то холуйством.

Существует много критериев, по которым принято оценивать деятельность той или иной власти. Однако досадно, что при этом, как правило, не учитываются изменения, происшедшие в духовной сфере, в том числе и в общенациональном языке. Возможно, это происходит потому, что духовность — материя слишком тонкая и не укладывается в привычные для чиновничьего разума схемы и графики. Но ведь от этого она не становится для нации и страны менее значимой, чем количество добываемой нефти или произведенной электроэнергии.

А я убежден в том, что о любой власти даже далекие от политики и ничего не смыслящие в ней люди могут и вправе судить по тому, как ее деятельность отразилась на русском языке, что эта власть сделала (или не сделала) для его сохранения и умножения. Пока же остается констатировать тот весьма прискорбный факт, что серьезные дефекты в произношении первого (и последнего) президента Советского Союза больно отдаются и поныне, когда то и дело слышишь от должностных лиц, что работу надо *углубить*, что некое уголовное дело *возбуждено*, что кто-то *осужден* — и все это с совершенно диким ударением на втором слоге.

Не будем забывать и о том, что исполненная холодного цинизма фраза «*Пипл все схавает!*» прозвучала в свое время из уст главы администрации бывшего президента страны. Это он, между прочим, о нас с вами.

Подобная ситуация вовсе не безобидна, как может показаться иным. Вспомним, такое случалось уже в нашем Отечестве. Когда войско Наполеона, которого народное русское сознание жестко идентифицировало как предтечу антихриста, катилось лавиной по русской земле, творя беззаконие и оскверняя православные храмы, в великосветских салонах продолжали общаться на французском языке, языке своего врага, демонстрируя этим свою «элитарность*». Именно по этому поводу были сказаны А.С. Шишковым гневные слова: «*Иноземцы часто жалуют нас именами des barbares (варвары), des esclaves (рабы). Они врут, но мы подаем им к тому повод. Может ли тот иметь ко мне уважение, кто меня учит, одевает, убирает, или, лучше сказать, обирает, и без чьего руководства не могу*

ступить я шагу?... Будьте всегда нашими учителями, наряжателями, обувателями, потешниками, даже и тогда, когда соотечественники ваши идут нас жечь и губить!»

Даже Пушкин в младенчестве куда более сносно изъяснялся на французском, нежели на своем национальном языке. И еще неизвестно, как сложились бы судьбы отечественной словесности, если бы милостью Божией не оказалась рядом с маленьким Сашенькой Арина Родионовна. Наделенная от Бога самым большим и главным талантом — талантом Любви, эта простая русская женщина сумела согреть его сердечко искренним теплом, освятить душу.

Позже в повести «Капитанская дочка» Александр Сергеевич устами своего героя Петра Гринева выведет образ типичного французского гувернера того времени: *«Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию, чтобы стать учителем, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главной его слабостью была страсть к прекрасному полу... К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т.е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнего... и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом».* Для успевших подзабыть содержание напомню, что мсье Бопре, в конце концов, прогнали со двора за аморальное поведение, выразившееся в обольщении двух неопытных дворовых девок.

Как же скорбел об этой моде на французский язык А.С. Шишков, обращаясь к современникам: *«Посмотрите: маленький сын ваш, чтоб лучше и скорее научиться, иначе не говорит, как со всеми и везде по-французски: с учителем, с вами, с матушкою, с братцем, с сестрицею, с мадамою, с гостями, дома, на улице, в карете, за столом, во время игранья, учения и ложась спать. Не знаю, на каком языке молится он Богу, может быть, ни на каком».*

К счастью, именно народ не растерял здорового национального чувства, а потому, в отличие от многих своих господ, не испытывал благоговения к «французишкам» как носителям некоей образцовой культуры. С присущим им здоровым природным юмором крестьяне заклеили агрессоров беспощадным словом *шаромыга*. Именно так услышало русское ухо жалобное *шер ами* тех, кто, позорно отступая теперь на запад, клянчил по ограбленным им же еще недавно деревням хлебушко. Потому и надменное *шевалье* с тех славных лет и по сей день припечатано языком нашим хлестким словечком *шваль*. Между тем зараза низкопоклонства перед французским языком была широко распространена не только в российской элите тех времен, но и в аристократической среде окраинных пределов империи. Невероятно, но первым прозаическим художественным произведением в азербайджанской литературе, ведущей свой отсчет из глубины веков, была новелла, написанная Куткашенским на французском языке и лишь позже переведенная на национальный язык. Случилось это потому, что ее автор в совершенстве владел этим европейским языком, а вот родным — не очень.

Пророчество министра Порталиса

В уже упомянутом выше «Славянорусском корнеслове» А.С. Шишкова есть место, поражающее не только своей острой злободневностью, но и мрачным пророчеством: *«Прочитайте, — советует автор, — переведенную с французского книгу "Тайная История нового французского двора": там описывается, как министры их, обедая у принца своего Людвига, рассуждали о способах искоренить Англию. Всеобщее употребление французского языка, говорил один из них, Порталис, служит первым основанием всех связей, которые Франция имеет в Европе. Сделайте, чтобы в Англии также говорили по-французски, как в других краях. Старайтесь истребить в государстве язык народный, а потом уже и сам народ. Пусть молодые англичане тотчас посланы будут во Францию и обучены одному французскому языку; чтоб они не говорили иначе как по-французски дома и в обществе, в семействе и в гостях; чтоб все указы, донесения, решения и договоры писаны были на французском языке — и тогда Англия будет нашею рабою».*

Что ж, комментарии, как говорится, излишни. Призыв же Козьмы Пруткова: *«Зри в корень!»* — и ныне актуален как никогда.

Святой град Москва

Не сегодня и не вчера стали называть Москву святою. Согласитесь, наверняка странным показался бы человек, который всего сотню лет назад (а что для истории — век?!) попробовал бы в этом попросту усомниться. Так в чем же ее святость заключена ныне? Можно ли и сегодня это трепетное слово применить к городу, взятому в тесное враждебное кольцо ночных клубов и казино, баров и интим-салонов?

Мне думается, что не только в видимых всякому взору атрибутах заключена она. Ведь именно здесь, на кремлевском холме, в Покровском соборе нетленно почивают святые мощи наших митрополитов и патриархов, насельников Небесного Града, непрестанно молящих Господа о первопрестольном граде земном. Рискуя навлечь чье-то негодование, рискну утверждать, что и сегодня, и эту нашу нынешнюю Москву можно и нужно называть и почитать святой.

Ведь святость — это не безгрешность, а тот неисчерпанный и поныне потенциал души народной, потенциал ее устремленности к Небу, который в состоянии восстановить и укрепить вековые основы жизнедеятельности нации. Что же до святости, то она видится в переливчатом звоне колоколов, перекрывающих визг клаксонов, в согбренных бабушках, спешащих ко всенощной, в непохожих на многих своих сверстников подростках (а их становится все больше), нервно теребящих записочки с «грехами» и терпеливо ожидающих исповеди, в тихих отблесках лампад пред образами Спаса и Пречистой, в заново обретенных храмах на узких московских улочках, в вернувшихся старых названиях переулков и площадей, и в молитвах, в молитвах, в молитвах... И с помощью Божией да пребудет первопрестольная наша в святости своей на все времена!

Не в обиду жителям Северной Пальмиры будет сказано, но давайте вспомним, сколько раз за свой трехсотлетний период (ничтожный по историческим меркам!) меняла она свое наименование: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, теперь вот снова Санкт-Петербург, а в просторечии — Питер. Что-то не заладилось... Можно ли представить, что Патриарх наш, не приведи Господи, назывался бы *Ленинградским* и всея Руси?.. Вспомните, как категоричен был в свое время Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин) в своем отказе называться «Патриархом всего СССР».

Нет, не зря тому шесть веков назад явлено было смиренному иноку Филофею дивное пророчество. Четвертому Риму и в самом деле не бывать! Несмотря на изощренные издевательства не только над верой нашей, но и над здравым смыслом тех, кто, к примеру, казино в Москве назвал «Третьим Римом». Все равно Москва как была Москвой, так и осталась ею — и пребудет таковою до скончания времен. Москва святая, Москва первопрестольная, Москва красавица, Москва русская — и негоже нам отдавать ее на поспание! Как сбросит она с себя все эти гадкие, скользкие лягушачьи шкурки, эти уродливые рекламы, все пакостные картинки да бесстыдные надписи — так и предстанет пред всем честным миром Василисой Премудрой, Василисой Пригожей, красавицей из красавиц! Мир таких и не видывал.

Да и вся Россия... Разве она может ограничиваться московской окружной автодорогой? Разве все необозримое пространство страны нашей от дальневосточного архипелага до балтийских берегов не есть сакральные границы Третьего Рима?

4. Хула или скверна?

Молитва демонам

Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним — и мои понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к своему родному народу, к своей соломенной деревне, к своей стране, которой, хорошо ли, плохо ли, служишь сам.

Владимир Короленко

«Положи, Господи, хранение устам моим...» — эти слова из Давидова псалма приходят на память всякий раз, когда приступаю к этой теме. Сердце заходится от смятения и боли, но и молчать невмоготу. А потому: Господи, помилуй!

Итак, речь пойдет о позорнейшем явлении нашей с вами жизни — о сквернословии и мате. Увы и ах, но с некоторых пор эта грязь стала еще и неким штампом, чуть не всенепременным атрибутом русскости — вроде пресловутых мишек да балалаек, водки да селедки. Какой ты, дескать, мужик, ежели не можешь загнуть эдакое?! Дошло до того, что примадонна российской эстрады на своем юбилейном концерте, который транслировался по общенациональному каналу телевидения для многомиллионной аудитории, позволила себе лихо пропеть матерные частушки.

«Будь проще!» — зазывно ущевают нас с многочисленных рекламных щитов ослабленные, напомаженные красавцы... Только проще уж некуда, простота эта и впрямь куда хуже воровства. Сквернословие проникло в наши жилища и дворы, школы и улицы, укромные уголки тенистых скверов и бескрайние поля, сам воздух России, кажется, напоен до предела миазмами этой заразы. Сквернословят стар и млад: отцы семейств и хранительницы очага, подрастающие мужчины и будущие матери, мальчишки, недавно расставшиеся с памперсами, и ангелочки с белокурыми локонами. Причем слабая половина нашего общества (ею почему-то упорно продолжают считать женскую) ныне дает фору мужской. Ожидające своего благословенного появления на свет Божий младенцы еще в утробе своих матерей вместе со смрадом удушливого сигаретного дыма заглатывают грязь брани. Слово, предваряющее их начало, омерзительно и богохульно.

Как тут не вспомнить наставление святого апостола Петра, обращенного к женщинам и призывающего их к высокой миссии спасения своих ближних. Только вслушаемся: «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие» (1 Пет. 3, 1).

Как видим, женщина во все времена была важнейшей опорой семьи, этого, по слову Святых Отцов, осколка рая на земле — а значит, и Церкви, государства, мироздания. Если же русская женщина утрачивает свою воспетую в веках святость, на что более рассчитывать? Или, памятуя слова Спасителя: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф. 5,13).

Мат — явление нерусское!

Хочу сразу поставить все точки над «и» и высказать свое мнение, которое кому-то может показаться невероятным. Однако я убежден, что в русском языке мата нет и быть не может. Да-да, вы не ослышались, мат лежит за пределами, за дальними границами той благословенной территории, которая зовется великорусским языком. И вот почему.

Вспомним, на богородичных иконах Царица Небесная изображается, как правило, с тремя восьмиконечными звездами: на челе и на плечах. Это не просто украшение, а графические символы одного из самых сокровенных Таинств нашей веры — Приснодевства Пречистой до, во время и после Рождества Спасителя. Потому и в Каноне Ангелу Хранителю взываем к Богородице со словами: «*Святая Владычице, Христа Бога нашего Мати, яко всех Творца недоуменно рождашая...*» Никак по-иному об этой величайшей тайне и не скажешь. Ведь *недоуменно* — это указание на то, что она недоступна человеческому уму.

Так вот, орды завоевателей, захватившие русские земли, но так и не сумевшие покорить душу русского человека по причине непостижимой для них веры его во Христа и верности Ему, посягали на то, что злой варварский ум ни понять, ни принять не в состоянии, — на Таинство Боговоплощения. Да-да, именно об этой нашей Матери вели они свою похабную речь, это на Ее Небесную чистоту покушались они своими погаными устами. Закономерно поэтому, что ругань именуется еще и *инфернальной* лексикой, ведь *инферна* по-латыни означает *ад*.

Именно по этому поводу сокрушается святой апостол Павел: «*Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим*» (Еф. 4, 29).

Кого же в таком случае хулят те, кто без всякой тени сомнения считают себя русскими?! Ту, что Своим честным омофором покрывала нас в лихую годину татарского ига и неистовства тевтонцев, коварных поляков и озверевших фашистов — словом, мрази всех мастей, которых на Святой Руси перебивало тьмы и тьмы. Ту, пред чьим Пречистым ликом тысячелетия возжигаем свечи, моля о заступничестве, о даровании Божией милости. Ту, пред святым образом Которой горячей коленопреклоненной молитвой сонмы наших святых отмаливали и продолжают отмаливать Русь. Ту, молитвами и предстательством Которой пред Сыном, Господом нашим Иисусом Христом, и стоит доньне Россия. Ту, Которую Михаил Лермонтов назвал «*Теплой Заступницей мира холодного*».

И разве не к Ней до последнего дыхания, ради собственного же спасения, взываем: «*Радуйся, Радосте Наша, покрый нас от всякого зла Честным Твоим омофором!*»

Справедливости ради следует признать, что в целом ряде преимущественно тюркских языков слова, звучащие в русском языке как скверные, таковыми не являются. Правда и то, что в этих языках нет матерной ругани в том виде, как она принята у нас. Могут, правда, оскорбить конкретную родительницу отдельно взятого человека, но это, как правило, приглашение к жесткой расправе, если не к смертоубийству, — поэтому не раз подумаешь, прежде чем обругать кого-то, даже сгоряча. И только в конкретном историческом контексте, обращенные иноверцами к завоеванному ими, поруганному русскому человеку, слова эти приобрели в сознании последнего богохульный, оскорбительный смысл.

Однако эти времена давно прошли. Не настало ли для нас время сообща перевернуть эту

позорную страницу? Ведь больше всего, как мы уже говорили, когда бьют по самому сокровенному, самому высокому, самому дорогому. Да, у *них* мата нет. Но нет и Богородицы.

К слову, в азербайджанском языке слово *мат* означает состояние остолбенения, шока, что роднит его с известным шахматным термином. И как было бы здорово, если бы все мы и в самом деле испытывали шок, услышав матерную ругань.

Займемся недоумением!

Чем же обогатился наш язык в последние десятилетия? И обогатился ли? Новых слов много, но какие это слова? Бабки (в значении деньги), байк (мотоцикл), баксы и гринны, башлять, бодипирсинг, бой-френд, виповский, гей-клуб, дампинг, имиджмейкер, китчмен, клипмейкер, ксивник, лейбл, медиа-баинг, наркодоллары, ништяк, пиарить, плюрализм, пофигист, прикид, рейв-тусовка, рэппер, секс-шоп, секс-идол, секстренинг, секьюрити, татуаж, тетёха, тинейджер, транссескуал, тусоваться, хавальник, шейпинг — и далее в том же духе. Нетрудно заметить, что это или иноязычные слова, отражающие не свойственные русской традиции и зачастую весьма отвратные реалии, или жаргонизмы, которыми сегодня считают приличным пользоваться и некоторые писатели, и политики, и ученые».

Елена Галимова, профессор ПГУ, г. Архангельск

Оказывается, такие качества, как застенчивость и целомудрие, могут относиться не только к человеку, но и к языку, каковым и является язык русский. В нем попросту нет слов, обозначающих близость мужчины и женщины (понятно, что речь в данном случае идет не о гинекологических терминах). Досадно слышать, когда молодые люди сводят всю головокружительную гамму чувств друг к другу к донельзя опостылевшему заокеанскому понятию *сексуальности*, похоже, напрочь позабыв такие хорошие русские слова, как *желанный*, *желанная*. Что касается отдающего откровенной «скотобазой» и ставшего (увы и ах!) привычным, в особенности в молодежной среде, выражения «*заниматься любовью*», то оно, мягко говоря, граничит с некоей неполноценностью.

Объясню почему. Любовь, как известно, чувство. А «заниматься» чувствами — ну никак нельзя. Ими можно быть *возвышаемыми, охваченными, обуреваемыми, подавленными...* Но «заниматься»?! Это равносильно тому, чтобы, к примеру, «*заниматься ненавистью*». Представьте себе такой монолог: «*Хочу до обеда позаниматься ненавистью, а после него планирую заняться жалостью. Ну, и перед сном, напоследок, позанимаюсь, так и быть, с полчаса недоумением — и на бочок!*»

К слову, Священное Писание далеко от ханжества. Но как же воистину достойно человека, а значит божественно, названа здесь физическая близость. Только вслушайтесь: *познал жену!* Искусство, а не «занятие».

Современные пиарщики от рекламы посягают не только на русский язык — они специализируются на иезуитской манипуляции нашим сознанием, ведут войну с высокими понятиями, намеренно принижая, опошляя их, подменяя высокое — низким, великое — ничтожным. Что такое «*неземное блаженство*»? Оказывается, всего лишь удовольствие от съеденной шоколадки!

Очередной ролик предлагает еще одно «блаженство» — «*для умножадных*», где слово высокое и слово низкое по смыслу насильственно сплетены в уродливого монстра. Заметьте, даже правила русского языка для этой манипуляции нарушили, написав не так, как положено по законам грамматики: «*умно-жадных*», а создав новое словечко-кентавр: «*умножадных*». Слова-уроды, слова-кентавры, слова-змеи, испускающие свой убийственный яд в сердцевину А взять утверждение: «*Изменить любимому кофе то же, что изменить любимому мужчине!*», где смертный грех уравновешен с мимолетным вкусовым ощущением. Только ли наше невежество — источник этих чудовищных подмен?

Священник Александр Ильяшенко в предисловии к книге «Как защитить вашего ребенка?» приводит данные из издания бывшего сотрудника спецслужб Джона Колемана «Комитет 300». В нем говорится о том, что Тавистокский институт человеческих отношений, входивший в состав Суссекского университета и Калифорнийский научно-

исследовательский Стэнфордский институт «создали специальные слова», предназначенные, в частности, «для массового управления новой целевой группой, то есть американской молодежью», «сознание которой планировалось изменить против ее воли». Делается это в полном соответствии с программой «Изменение образа человека». «Необходимо отметить намеренно вызывающий разделение язык... «Тинейджерам» и в голову не могло прийти, что все «нетрадиционные» ценности, к которым они стремятся, были тщательно разработаны пожилыми учеными в мозговых центрах Англии и Стэнфорда. Они были бы потрясены, обнаружив, что большая часть их «клевых» привычек и выражений была специально создана группой пожилых социологов».

Таким образом под разглагольствования о стихийном создании какой-то якобы особой «молодежной» культуры (а по сути — низменной субкультуры, которая стоит вне культуры) планомерно меняется образ человека. Неужели мы окажемся столь неразборчивыми и слабыми, что проглотим ядовитую наживку?

Не ругайся, братец, козленочком станешь!

Разве не слышим мы из пречистых уст Спасителя: *«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься»* (Мф. 12,36-37). Именно поэтому первое же испытание, именуемое в Церкви мытарством, которое ожидает нашу с вами душу после смерти, — ответ за сквернословие, за словесную распущенность, за лексическую грязь. Так чем же, несчастные, оправдаемся, подойдя к неотвратимому финалу?! Может, адский пламень — это еще и Великое Торжество Стыда, такого необходимого свойства человеческой души, загнанного сегодня в самый дальний, десятилетиями не метенный угол?.. Когда все существо твое и вправду будет сгорать от вселенского стыда и мучительной невозможности что-либо исправить.

Ведь отвечать-то придется действительно за *каждое слово*. В том числе и за звучащее чаще многих иных оскорбительное слово «козел», которым не пренебрегают сегодня ни стар ни млад. А знаете ли вы, что оно есть не что иное, как проклятие, адресованное ближнему?..

Священное Писание повествует нам о беседе Господа Нашего со своими учениками на горе Елеонской, когда приступили они к Нему с расспросами о кончине света и Его втором пришествии. И тогда, вслушиваясь в пророчество своего Небесного Учителя, услышали и такие слова: *«Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную»* (Мф. 25, 31-46).

К слову, *Страшным* этот Суд является именно по той причине, что судить нас будут по нашим *страстям*. Вот и получается, что, бросив в чей-то адрес незамысловатое, на первый взгляд, обидное словечко, мы, сами того не осознавая, творим над ним суд, который нам неподвластен. Вспомним слова, сказанные Иисусом Христом в Нагорной проповеди: *«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы»* (Мф. 7,1-2). Вот и получается, что адресованное ближнему как бы невзначай расхожее грубое словцо на деле оборачивается проклятием, обращенным... к самому себе!

Устами нечестивых разрушается град

Удивительные вещи рассказывают порой врачи, имеющие дело с парализованными пациентами. Даже когда, казалось бы, полностью потерян дар речи, некоторые больные произносят иногда целые тирады нецензурной брани. Как известно, человеческая речь передается по специальным нервным цепочкам. Невольно напрашивается вывод о том, что этот механизм не так-то прост и что в описанных случаях в дело вступают силы иного порядка. Какие — об этом можно лишь догадываться.

Как-то знакомый священник рассуждал о том, почему монахам надлежит ходить, опустив очи долу, как бы не видя и не слыша ничего вокруг. По той причине, что ничто из увиденного (или услышанного) не проходит мимо человека, а только сквозь него, оставляя нестираемый отпечаток, некое подобие матрицы, в самых потаенных глубинах памяти. Этим, наверное, и можно объяснить то встречающееся в медицинской практике странное явление, когда под наркозом воспитанные люди, никогда не прибегавшие к хуле и брани, порой сквернословят.

Об этом говорит в проповеди, произнесенной еще в 1945 году, святитель Лука (Войно-Ясенецкий): *«Задача обуздания языка настолько трудна, что многие подвижники совсем отказывались говорить и становились молчальниками. А преподобный авва Агафон для того, чтобы победить свой язык, отучить его болтать праздно, говорить слова нечистые, три года носил под языком камешек и тем сдерживал его».* И далее святой и великий ученый продолжает свою мысль: *«Часто при чтении паремий слышите вы такие слова: "Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается" (Притч. 11, 11). Что это значит? Как это может быть, что устами нечестивых разрушается целый город? Что же это, преувеличение премудрого Соломона или подлинная и глубокая истина? Это истина, которую вам надо знать. Надо вам знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия — или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают все физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих не теряется. Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех. Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка их, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами. Если миазмы порождают в нас болезни телесные, то миазмы злой энергии духовной отравляют наши сердца, наши умы, всю нашу духовную жизнь... А материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа. Если благосостояние праведных распространяется над градом, если в сердца людей проникают их святые слова, то град возвышается, благосостояние духовное, следовательно и материальное, также углубляется и возвышается. Если же царит в душе народа духовная зараза, исходящая из уст неправедных, то злая энергия пустых, гнилых слов разрушает град не только в духовном, но и в физическом отношении... Вот поэтому так сильно говорит о языке нашем святой апостол Яков...»*

Участь злоречивых

Вслушаемся же и мы в эти проникновенные слова, с любовью и болью взывающие к нам сегодняшним сквозь тысячелетия: *«Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду»* (Иак. 3, 2-12).

Рад бы утешить тех, кто в качестве оправдания готов сослаться на былое неведение. Проблема, оказывается, в том, что незнание духовных законов, как выясняется, не освобождает от ответственности. И именно об этом с суровой категоричностью предупреждает святой апостол Павел: *«Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют?»*

«Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9-10). Что и говорить — незавидная, горькая участь оказаться в этой страшной компании.

Вспомним, многие вульгаризмы и слова-сорняки, прежде нежели получить «постоянную регистрацию» в нашем с вами лексиконе, поначалу употреблялись нами же как некая легкая издевка над речью тех, кого мы невольно *пародировали*, подспудно выражая этим свое над ними превосходство: интеллектуальное, эстетическое, лексическое. Да-да, та самая пагуба, изначальный извечный грех гордыни, которому не откажешь в умении маскироваться подо что угодно.

Далее же случилось то, что и должно было случиться: мы и не заметили, как словечки, произносимые нами с подчеркнутой иронией, весь этот мусор: *чисто, как бы, конкретно, в натуре, ваще, типа того, короче, вроде как* — тихой сапой вошли в нашу речь, беззастенчиво вытеснив из нее нормальные русские слова. Как тот же пресловутый *блин*, не сходящий с уст даже малышей, который — не будем себя обманывать — есть все та же слегка переиначенная, вульгарная брань. Как и все эти *на фига, до фига, по фигу...* «Для непосвященных поясним, — делится на страницах увлекательнейшей книги «От чего нас хотят "спасти" НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги» один из ее авторов Игумен Н., — что "фига" означает именно ту часть тела, которую на древнегреческих статуях прикрывал листок фигового дерева».

Личина, как обнаруживается со временем, намертво прирастает к лицу. Вот и

получается, что вовсе не безопасная эта штука — пародия.

Миссия культуры и министр-шоумен

Найдем же в себе мужество покаяться и начнем очищать то замечательное жизненно необходимое пространство вокруг и внутри нас, что зовется русским языком. Тут уж и впрямь надеяться не на кого, кроме как на себя. И уж никак не на того шоумена (слово-уродец), который еще недавно возглавлял российское Министерство культуры, да и сейчас все еще при делах. Вспомним, одна из передач, а по сути позорное ток-шоу (очередное слово-уродец!), затеянное им несколько лет назад в очередной «Культурной революции» на телеканале с красивым и ко многому обязывающим названием «Культура», была посвящена именно мату. Находящимся в студии представителям так называемой интеллектуальной и творческой элиты предлагалось высказаться по поводу того, может ли русский язык вообще существовать без мата. Таким образом, сама постановка вопроса, задуманная и осуществленная как провокация, бьет наотмашь не только по великому языку, но и по всем нам, его носителям.

Нелишне задуматься и о том, что в известном словаре Владимира Даля смысл слова культура толкуется как «обработка и уход, возделывание; образование, умственное и нравственное». Культура, таким образом, есть не что иное, как миссия. Размышляя об этом, архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) в эссе «Что такое культура» из книги «Беседы с русским народом» напишет: *«Истинная культура есть связь человека с Творцом и всем миром. И эта связь называется религией. Это связь с высшим миром бытия, истины и любви должна пройти через все отношения людей и народов. Войти в рояль музыканта, в лабораторию ученого, в тетрадь писателя, в интуицию врача, в руку сеятеля, сеющего на земле хлеб... По холодной проволоке материальных отношений мира должно пробежать тепло жизни. По жилам человечества должна пробежать кровь, соединяющая людей в высшее единство, всё оживляющая и всё отдающая Единому Сердцу — Иисусу Христу. По культуре добра и духа томится всякое человеческое — и русское — сердце. Напрасно пытаются осуществлять культуру насилием и ненавистью. Она есть дочь любви и свободы».*

Какую же ниву возделывают вышеупомянутые деятели культуры и какую такую миссию они осуществляют в сегодняшней, России?! Нормально предположить, что подлинным культурным пространством может быть только то, что освящено, что призвано приблизить образ Божий к Первообразу, ко Творцу. И уж, конечно, культурной никакая революция не может быть по определению. Как и все те, для которых русский язык не национальная святыня, а лишь повод для постыдного шутовства. Не о таковых ли глаголет пророк и псалмопевец Давид: *«Гроб открытый — гортань их»* (Пс. 5,10). Вещающие зло — они воистину зловещие.

Каков язык — таков и народ

Мы не знаем, как создается и живет мысль, как выглядит она, но верно знаем, что без слова она не живет, не может явить себя. Мы не знаем, да, пожалуй, и никогда не познаем, что есть слово в своей сущности, в своей сердцевине, почему оно так воздействует на человека и вообще на весь мир, благотворно преображая его или роняя в жесточь и погибель. Его никогда не увидеть, не взять в полон, не замерить его энергии, побудительных свойств и качеств. Даже в простейшем слове зашифрована история рода и народа, но мы принимаем его, как божественный дар, в нем таятся нрав и норы, психология, заповедальность, союз земли и неба.

Владимир Личутин

У России во все времена была задача перед всем миром — задача сохранения на планете культурного слоя. Так что весь мир всегда ждет от нее не просто сопротивления мировому злу, но сопротивления посредством сохранения этого слоя культуры, независимой от рынка, которая позволит и всему миру выжить — одухотворенной святостью подвижничества, подвига «за друга своя».

Валерий Ганичев, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора

Не может не вызвать интереса и научная точка зрения на эту проблему. Так, исследования, проведенные Российской Академией наук, позволяют говорить о том, что ДНК способна воспринимать человеческую речь и читаемый текст по электромагнитным каналам. Причем одни тексты оздоравливают гены, а проклятия и матерщина вызывают мутации, ведущие к вырождению человека. Ученые предупреждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. Совсем не случайно в церковнославянском языке слова *язык* и *народ* суть одно слово: *каков язык — таков и народ*. Как метко выразился Юрий Воробьевский: *«Грешники, для которых родным является ругательный псевдоязык, становятся псевдонародом. И именно эта общность первой поклонится псевдоспасителю».*

Рассуждая о сквернословии, полюбопытствуем о смысле этого слова, для чего в очередной раз заглянем в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля: *«Скверна — мерзость, гадость, пакость, касть, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растленье; все богопротивное».* Таким образом, немаловажное наблюдение, что матерщинники в массе своей нередко тупы и примитивны, имеет вполне научное объяснение.

Будем же помнить о том, что граница языка отдельно взятого человека есть в то же самое время и некая граница его духовного мира. Неудивительно поэтому, что объем лексики у Пушкина составляет 313 тысяч слов, а у Лермонтова и того больше — 326 тысяч! И не налицо ли стремительная лексическая (а значит, и духовная, и интеллектуальная!) деградация нашего общества в сторону печально знаменитой героини И. Ильфа и Е. Петрова — Элочки-Людоедки.

А ведь когда-то российские власти не были столь безразличны к этой проблеме, к тем, кто обильно изливает словесную жертву сатане. Достаточно вспомнить о том, что за матерную ругань когда-то пороли, сажали в тюрьму, даже отлучали от Церкви. Формально и сегодня действует соответствующая статья Административного кодекса РФ, предусматривающая за сквернословие штраф или арест до 15 суток. Но это все случится, как любил говаривать мой дед, когда-нибудь на Луне.

Много лет назад, будучи еще юношей, впервые соприкоснувшись с людьми искусства, которых принято называть богемой, был неприятно поражен тем, что мат и сквернословие, буквально мужицкая брань, считаются в этой среде, как это ни покажется парадоксальным (ведь речь идет, в первую очередь, о художниках, поэтах, актерах), атрибутом некоей элитарности. Уточню: речь идет именно о тех представителях этого «сословия», кто не просто далек от какой-либо церковности, но и декларирует это как своеобразную избранность. Причем печальная эта традиция возникла не сегодня и не вчера. Понимая, что ничто не возникает на пустом месте, пытаюсь отыскать корни этого прискорбного явления, автор этих строк сделал любопытное открытие и спешит поделиться им с дорогим читателем.

Послушайте, как описывает М. Горький, человек, вышедший из среды простых людей и немало потрудившийся над собственным интеллектуальным и культурным уровнем, свою первую встречу со Львом Толстым, перед которым благоговел, как и весьма значительная часть тогдашнего российского просвещенного общества.

В очерке «Лев Толстой», посвященном писателю, читаем: *«С обычной точки зрения речь его была цепью «неприличных» слов. Я был смущен этим и даже обижен; мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык»*. И там же: *«О буддизме и Христе он говорит всегда сентиментально; о Христе особенно плохо — ни энтузиазма, ни пафоса нет в словах его и не единой искры сердечного огня. Думаю, что он считает Христа наивным, достойным сожаления, и хотя — иногда — любит его, но — едва ли любит. И как будто опасается: приди Христос в русскую деревню — его девки, засмеют»*. Только вздумайте, это кощунство о стране, основная часть населения которой испокон века называла себя крестьянами, то бишь христианами, крещеными людьми.

Вспомним и толстовскую редакцию народных сказок. Откуда эта бедность красок, этот нарочитый примитивизм в изображении простых русских людей, этот убогий язык и детей, и взрослых? Так никогда не говорили, слава Богу, не говорят и, очень надеюсь, никогда не будут говорить в России. Навязчивое ощущение выхолощенности самого языка, словно лишенного самого главного — любви. И снова М. Горький: *«Он часто казался мне человеком непоколебимо — в глубине души своей — равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что все они кажутся ему подобными мошкам, а суета их — смешной и жалкой. Слишком далеко ушел от них в некую пустыню и там, с величайшим напряжением всех сил духа своего, одиноко всматривается в "самое главное" — в смерть... Всю жизнь он боялся и ненавидел ее, всю жизнь около его души трепетал "арзамасский ужас", ему ли, Толстому, умирать?»*

И в самом деле — страшно, не правда ли? Господи, убереги нас от подобного!

Широкие эти цитаты привожу неспроста. Так, в письме к одному из современников замечательный сын своего народа Константин Петрович Победоносцев скорбно констатирует: *«Вся интеллигенция поклоняется Толстому»*. Разве не важно поэтому понять — кому же все-таки поклонялся тот, кто и поныне остается кумиром многих отечественных интеллигентов, *«зеркалом русской революции»* — по меткому, как ни крути, выражению Ленина. Добавим: не просто зеркалом, а предтечей величайшей русской трагедии.

После беседы с архиепископом Тульским Парфением, незадолго до своей кончины Л. Толстой записал: *«...возвратиться к Церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении,*

— *ЛОЖЬ...*»

И это человек, начавший свой неповторимый путь в великой русской литературе с гениальных «Казаков» и «Севастопольских рассказов», с «Кавказского пленника», с пронзительного рассказа «Лев и собачка». Воистину: по слову Святых Отцов, блажен не тот, кто праведно начинал, а тот, кто праведно завершил дело.

В этой связи совсем не случайным, а абсолютно закономерным явлением представляется то, что речь самого лидера октябрьского переворота так изобиловала ругательными словами. Его переписка так и пестрит оскорбительными словами: *негодяй, сволочь, архитупица, архимерзавец, идиот...* Причем чаще всего брань адресована товарищам по партии и соратникам. Как тут не вспомнить наставление Святых Отцов о том, что когда мы осуждаем ближнего своего, то глядимся в зеркало.

Разрушительная энергия хохота

Скоро немного, что нам останется из всего русского, будут наш русский язык и наша русская словесность... Поэтому не будем пренебрегать этими доставшимися нам духовными сокровищами. Если заветы русского слова найдут живой отклик в душе юного человека и послужат ему в качестве жизненного образца, то он сумеет остаться истинно русским — умным, справедливым, милосердным, стойким; он сумеет постоять за свое отечество и сохранит верность Святой Православной вере.

Из книги «Слово Святой Руси»

Во время одного из моих выступлений по телевидению в студию позвонила пожилая женщина и с нескрываемой болью в голосе попросила высказать отношение к заполонившему центральные телеканалы эстраднему пародийному дуэту, называющему себя «новые русские бабки». Почему, вопрошала телезрительница, объектом насмешек, откровенного издевательства выбраны именно русские, а не какие-либо иные бабушки?! В ответ я предложил сообща порассуждать о таких явлениях, как смех и пародия.

Владимир Солоухин, замечательной русский писатель, у которого неизбежно болело сердце за творимое на его земле с его народом, в своей книге «Камешки на ладони» размышляет о том, что можно представить себе Христа молчащим, скорбящим, беседующим, негодующим, улыбающимся, но нельзя — хохочущим. Смех (а он может быть ерническим, издевательским, глумливым) и в самом деле вовсе не так безобиден, как может показаться. Вспомним пушкинские слова о том, что смех Вольтера разрушил больше, чем плач Руссо.

Во все времена у всех народов существовало понятие табу — того, к чему нельзя прикасаться ни в коем случае. Во многом благодаря этому человек, если можно так выразиться, и стал человеком. Разрушительная же энергия хохота заключается именно в том, что с его помощью дьявол пытается высмеять добродетель, представить глупой или ничтожной — чтобы для окружающих она потеряла ореол святости. А если, как теперь говорят, «поприкалываться» над злом — станет ли его от этого меньше? О чем бы ни шла речь — о супружеской измене или уклонении от воинского долга, о пьянстве или казнокрадстве, о жадности или трусости, о забвении родительских обязательств или непочтении к родителям, старикам — ничего не изменится в лучшую сторону, если об этом без конца зубоскалить. Дьявольская же уловка заключается именно в том, что зло отныне лишь *кажется* таковым — вовсе не зловещим, в чем-то даже забавным и милым. Но злом-то от этого быть не перестает!

Недаром Святые Отцы во все времена призывают нас воздерживаться от бездумного хохота, предостерегают, что исконный враг человека неустанно стремится внушить мысль о том, что его самого в природе нет. А раз нет его, то, стало быть, нет и Бога. «*Расслабься и получи удовольствие!*» — не к этому ли призывают нас с голубых экранов и со страниц серо-желтой прессы, из динамиков многочисленных радиостанций в режиме нон-стоп нескончаемые юмористы и пародисты, сатирики и хохмачи.

Нынешней масс-культуре, как выясняется, претит изображение старости, болезни, высоких чувств, человеческого страдания. Всего, что «напрягает» — ум, душу, сердце. Да-да, и не просто страдания, но даже такой естественной для нас, людей, грусти при созерцании одной из важнейших тайн этого мира — смерти. Помню, как был изумлен, услышав в недавнем выпуске теленовостей о том, как в Германии некто пригласил на похороны своего близкого человека... клоунов (!), чтобы участники траурной церемонии не сильно грустили. Неужели это и есть та самая выдающаяся европейская культура, которую вот уже некоторое

столетие пытаются выдать нам в качества образца для подражания отечественные либералы?!

Вспомним, ведь еще полтора десятка лет назад не было разнузданных юмористических марафонов такого масштаба. И прежде, конечно, юмористы-сатирики специализировались на затасканных сюжетах про тещу-злыдню, коварного соседа, завидущую подругу, друзей-выпивох, туповатого начальника и т. д., но все это было несколько иного уровня и не в таком диком количестве. Теперь же — какой телеканал ни включи, ощущение такое, что попадаешь в дурдом, обитатели которого соревнуются, кто больше выдаст непотребств. Чего стоят одни похотливые «новые русские бабки» и козлоногие «новые русские деды» с пошлейшими текстами и омерзительным кривлянием! Неужто не обрыдло?! Ну, как после увиденного и услышанного прикажете неокрепшей душе относиться к собственным бабушкам и дедушкам, к старости вообще?

А это уже даже не настораживающее, а пугающее число переодетых в женское платье мужчин, что во все времена считалось мерзостью пред Богом! Постоянное публичное глумление над мужчиной — главой семьи, отцом, мужем, воином — тема отдельного разговора. Конечно, что скрывать, пьянство, наркомания, слабо выраженные волевые качества, нежелание и неумение создать крепкую семью и воспитывать собственных детей в чистоте и вере, защищать Родину — все это есть, преодолеть этот частокол способны сегодня не все русские парни, и это наша с вами общая беда. Но важно то, как об этом говорить. В том же несмолкаемом ржанье, что обрушивается на граждан нашей страны с раннего утра и до поздней ночи, нет даже намека не то что на боль или сострадание — но и на малейшее сочувствие. Только глумление — при полном равнодушии к нашим общим бедам.

Зрелища вместо хлеба

Иное дело юмор, о котором Борис Полевой написал как-то, что он *«как чеснок, с ним любую гадость съешь, да еще и облизнешься»*. И вправду, замечательная такая легкая приправа к горьким блюдам, предлагаемым подчас жизнью, что, впрочем, тоже совершенно нормально. Но вместо этого — сплошь тошнотворные «пищевые добавки» взамен полноценного питания. *«Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение. .. Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления; итак, не будьте сообщниками их»*, — увещевает святой апостол Павел (Еф. 5, 4, 6). Но многие ли из нас способны расслышать эти слова, исполненные тревоги и боли!

«Хлеба и зрелищ!» — требовала в античные времена от своих правителей толпа. Так отчего такой перебор со зрелищами ныне? Не оттого ли, что недобор с хлебом?! Как-то в одной из бесед на эту тему одна молодая журналистка возразила мне: но ведь смех, как известно, продлевает жизнь! Думается, что если и продлевает — то совсем не такой смех. Та вакханалия гогота, которую мы наблюдаем сегодня, ничего общего со смехом не имеет. И жизнь она никому не продлевает. Хохмачей и гогота в России все больше и больше, а живут русские люди все меньше и меньше...

Многое, что у нас на слуху с детства, приобретает с возрастом иной, сокровенный смысл. В том числе известная поговорка о том, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мне думается, что речь здесь идет о не схожей ни с чем земным радости от грядущего лицезрения Христа, Его Пречистой Матери, сонма лучезарных ангелов небесных и святых угодников — как величайшей награды для тех немногих, кто не стремился превращать свою земную жизнь в одно непрерывное веселье и кто предпочел плач над собственным несовершенством хохоту над недостатками ближнего. Воистину: *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся»* (Мф. 5, 4).

5. Родной «непонятный» язык

Начать эту главу хотел бы с воспоминания детства. Сколько раз тогда и позже, в течение многих лет, приходилось наблюдать, как поминают усопшего. В тщательно убранной квартире или небольшом бакинском дворике, выметенном и политом из шланга, а то и в огромной брезентовой военной палатке на случай непогоды сидят мужчины всех возрастов и внимательно слушают муллу, который долго (тогда казалось бесконечно долго) размеренным речитативом читает на арабском языке суру из Корана. Женщины находятся в другом помещении, но и там происходит подобное. Мужчины только что вернулись с кладбища: все устали, голодны, из-за жары очень хочется пить, но никто не шелохнется. И чай, и поминальная трапеза будут потом — сейчас же все посвящено только одному.

Многих из этих людей я хорошо знаю: это соседи по дому и улице, здесь же мои ныне покойные папа, дядя, дед. Поразительно то, что никто из присутствующих вообще не знает арабского языка! Несколько человек откровенные атеисты, не исключено, что таковым был и сам усопший. Но как строги позы слушающих, как почтительно склонены их головы, как сосредоточены люди. Это происходит, как мне кажется, еще и оттого, что они стремятся уловить в убаюкивающем речитативе чужой речи знакомые слова, а таковые пусть изредка, но все же встречаются. И это подспудное стремление людей хоть к какому-то осмыслению происходящего так понятно, так естественно. Но, повторяю, — ни звука, ни лишнего жеста: такова сила традиции, глубокого уважения к предкам.

Вспоминаю и собственное изумление, когда друг шепнул мне, что мулла, приглашенный на похороны его бабушки, вычитывал слова молитв из небольшой записной книжки, в которой они были записаны от руки кириллицей (!). В те времена проблемы с духовным образованием существовали во всех религиозных конфессиях, и ныне я вспоминаю этот эпизод по иной причине. Повторяю, люди, которые не понимали содержания читаемого им на чужом языке текста, тем не менее внимали ему в ненарушимом молчании, даже с неким трепетом.

Много лет спустя поведал об этом человеку, подвизающемся в исламском богословии. Он ответил мне, что язык священной книги представляет непреходящую ценность сам по себе, вне зависимости от того, понятен ли его смысл. Даже простое слышание этого текста, этих звуков, пытался он внушить мне, благотворно влияет на душу слушающего.

Язык Бога и человека

Быть языком-посредником в государстве, населенном множеством разноязыких народов, — великая, многотрудная и, как видим, далеко не всегда благодарная служба. Это особая историческая судьба державостроительного языка, языка-собираателя.

Юрий Лоциц

Давнее это вспомнилось неспроста. Сколько раз, беседуя с людьми, уклоняющимися от посещения православного храма, участия в богослужениях, слышишь нередко один и тот же довод: непонятен церковный язык. Нет-нет да и услышишь призывы, доносящиеся даже из церковной среды, о необходимости скорейшей реформы церковнославянского языка. Дескать, так он станет понятнее — и молодежь потоком хлынет в наши храмы. Что можно на это возразить?! Подобные разговоры, как мне кажется, возникают чаще всего по причине непонимания подлинной сути и назначения церковных служб.

Начну с себя — так будет честнее и убедительнее. Вспоминаю, как трудно, а точнее — тяготно, было мне во время богослужений в течение весьма продолжительного времени после Крещения. И это при том, что русский с рождения является для меня родным наряду с национальным языком, как и для большинства бакинцев моего поколения. Более того, будучи по образованию учителем русского языка и литературы, я был знаком со старославянским не понаслышке — изучал его, сдавал, помнится, с приличными оценками. И тем не менее...

Однако со временем милостью Божией со мною все же начали происходить чудесные изменения. И прежде всего потому, что с некоторых пор стал посещать церковные службы регулярно, попытался приноровить, если можно так выразиться, ритм собственной жизни к ритму общецерковной. И еще (это, как мне теперь видится, немаловажно) со временем отыскал наконец-то то самое место в храме — *мое*. Оно оказалось в непосредственной близости от клироса и царских врат. И, словно угадав мое внутреннее состояние (как это случалось не раз), батюшка сказал тогда в проповеди о том, что место, которое мы избираем для себя в храме, мистическим образом есть прообраз того места, которое мы чаем обрести на Небе.

Впервые без стеснения я чуть слышно пел (молился!) вместе с хором. Куда подевались усталость, свинцовые ноги, непонятные слова молитв?! Ничего похожего, только легкое недоумение, что служба так плавно и необременительно подошла к концу — и вот уже батюшка выносит крест. Удивительно, но, не утруждая себя толкованием каждого слова, тем не менее я все *прочувствовал*, все *услышал*, но только по-иному — сердцем.

Если и вас одолевают схожие сомнения, прошу, не смущайтесь и начните с малого: приучите себя по возможности в храме *бывать*. Чтобы могли со временем ответить с очаровательной непосредственностью расшалившегося в храме крохи (а свидетелем этой сцены был я сам), которого мама пыталась урезонить: «*Ты где находишься?!*» — «*Дома!*» — обезоруживающе невинно прозвучало в ответ.

Вот и в одной из записок, присланных мне во время очередной встречи, прочитал: «*Раньше в наших храмах пели все, потому и по сей день громко возглашают: "Глас осьмый!"*. Наша Церковь — Церковь поющих...» Удивительно, но Мартину Лютеру приписывают слова: «*Диавол панически боится поющего христианина*».

И не терзайтесь так, не унывайте и не смущайтесь оттого, что не все поначалу понятно. Утешьтесь тем, что церковнославянский язык понимают бесы и трепещут. Уясните главное:

происходящее здесь не есть обмен информацией! Все гораздо проще и в то же время сложнее. Все иное. Православный храм вовсе не источник некоей *мистической информации* для пытливого ума, но прежде — источник неизреченной *благодати*, постигать которую отныне призвано ваше сердце через непосредственное участие в церковных *таинствах*.

Впрочем, и непреклонный интеллект уйдет отсюда утешенным, открыв для себя небезынтересные научные истины. Так, молитвы на церковнославянском языке, как известно, препятствуют внушению извне, являются преградой, надежной защитой на пути нейролингвистического программирования, одного из грозных психологических орудий нового века. А тот же церковный колокол не просто услаждает слух и волнует душу. Колокольный звон, как свидетельствует отечественная история, не раз спасал православных людей во время губительных эпидемий чумы. К слову, одновременный звон московских, прославленных некогда «сорока сороков», как продолжает свидетельствовать та же наука, образуя невидимый небесный щит, способен отклонить траекторию межконтинентальной баллистической ракеты.

Но разве это главное?! Для *церковного* человека важно иное. Колокольный звон для него — невыразимая человеческими словами музыка, ведущая свой волнующий диалог с его бессмертной душой напрямую, безо всяких посредников. И ни за что не спутает он мерный благовест с частым перезвоном. Что же касается бесов, то они для него, что оптом что поврозь, как были паршивой нечистью, так ими и останутся.

Какая же милость Божия изливается на русских людей, что им позволительно молиться Создателю и святым Его, Пречистой Богородице, по сути, на том же языке, на котором общаются с близкими и родными, на языке сладких детских снов, навеянных колыбельной, что пела когда-то мама. Поверьте, это дано не всем.

На Востоке говорят, что даже самый долгий путь начинается с первого шага. И если вы его все же сделали, то впереди вас ожидают поистине удивительные открытия. Только не ленитесь и не унывайте. Попробуйте обзавестись небольшим словариком — и вы узнаете много новых слов, это сделает вас внутренне богаче, интереснее. Не без удивления обнаружите, что некоторые понятные, как вам казалось, слова на церковнославянском языке имеют иной смысл. К примеру, слово *выну* обозначает отнюдь не *достану*, а *всегда; искренний* — значит *ближний*; *южик* — это *родственник*, *отроча* — *младенец*...

Продолжать можно до бесконечности — и, поверьте, это очень увлекательно. В этом измерении все оказывается точнее, поэтичнее, фактурнее. Скажем, «Царствие Небесное *нудится*» звучит куда убедительнее, нежели «*силою берется*». И на каком-то этапе вы подойдете к совершенно иному качественному уровню: с благоговением приступите к чтению Псалтири, а затем и Евангелия на церковнославянском. Потревожьте, разбудите свою генную память — она так долго ждала этого часа. Как по-новому, по-утреннему свежо ощутите вы свою русскость. То, что вы при этом прочувствуете, какие глубинные, неведомые вам ранее струны вдруг отзовутся в вашей обрадованной душе — попросту не поддается описанию.

«Читайте Пушкина и Евангелие!»

Во время одного из выступлений в стенах Московской Духовной Академии получил из зала записку, которой дорожу. Приведу ее почти целиком: «...вы правы, только при частом посещении храма начинаешь понимать этот язык, итогда молитвы, которые давно знаешь наизусть, расцветают, как розы! Это невозможно объяснить непонимающим, это можно только почувствовать! Но для упорствующих попробуйте перевести на современный русский: "Благословен Плод чрева Твоего!" — "Как хорошо, что Ты беременна!", или: "Хорош Твой Ребенок!"?!» Комментарии, как говорится, излишни.

Как же прекрасна на церковнославянском языке воистину божественная молитва «Отче наш»! Однажды довелось прочесть ее на современном русском языке. Ну, что сказать? Осталась информация, ушла поэзия. К слову, даже расхожая поговорка «Устами младенца глаголет истина» в переводе на современный русский язык прозвучала бы просто отвратительно. Только прислушайтесь: «ртом ребенка говорит правда». Господи, помилуй! А потому и в стихотворении Андрея Вознесенского, посвященного музыке, читаем: «Где не губами, а устами...»

Чем прикажете заменить слова пронзительного пятидесятого псалма «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей», в котором поистине каждое слово — о нас?! А какие неподражаемые по красоте молитвы произносит в алтаре священник во время Евхаристического Канона: «Яко да Царя Всех подыдем ангельскими невидимо дориносима чинми, Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя!» Содрогаешься при мысли о том, что святые слова могут заменить на иные. «Дориносима», как оказалось, древний римский воинский ритуал, когда победителя поднимали на копья со спиленными остриями. Но даже когда я пребывал в неведении о смысле этого выражения, ничто не мешало сердцу моему замирать от осознания величайшего из таинств, совершающегося сейчас в моем присутствии. И, как выяснилось позднее и что совсем немаловажно, — при моем непосредственном участии, при личном участии каждого, кто находится сейчас в храме, кто молится *соборно*. Разве возможно, чтобы *подобное* совершалось на «ежедневном», по слову А.К. Толстого, языке?

Неожиданное и радостное подтверждение этих мыслей пришло от драгоценнейшего Александра Сергеевича, еще молодого, двадцатисемилетнего. Да-да, не удивляйтесь, Пушкин, как и прежде, «наше все». Вспоминаю, как много лет назад, впервые услышав стихотворение «Пророк», был убежден, что эта таинственная встреча поэта и в самом деле имела место, до того убедительно звучали памятные строфы. Я имел тогда довольно смутные представления как о шестикрылом Серафиме, так и о ветхозаветном пророке Исаии, от лица которого и ведется здесь повествование. Но и поныне убежден, что дело тут не только в известном видении святого; что-то важное наверняка пережил сам поэт, какая-то сокровенная встреча — *сретение* — произошла у него самого. Только вслушайтесь, как стих его преизобилует церковнославянской лексикой — все эти: *уста, десница, восстань, глас, виждь, внемли, глагол...* Поразительно, но дело даже не в том, что мы, сегодняшние, все понимаем без особых на то усилий. Использование поэтом этой специфической лексики не сделало стихотворение ни на йоту тяжеловеснее, и поныне оно продолжает изумлять величественной музыкой родной речи. Это ли не золотой ключ к пониманию подлинной роли и места церковнославянского языка в жизни русской нации?! Гений поэта сквозь два

столетия протягивает нам, сегодняшним, руку помощи, вразумляет, что язык этот дан русским не для каждодневного общения, — он, и только он, предназначен для обращения ко Господу, Его Пречистой Матери, светлым силам Небесным.

Как же мудр и проницателен был русский писатель Иван Шмелев, обратившийся в одном из писем к близкому человеку, а по сути ко всем нам, с призывом: «*Читайте Пушкина и Евангелие!*»

Избирательность языка

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

Александр Пушкин

Выступая в различных аудиториях, люблю проводить своеобразное тестирование, которое многое, как мне кажется, объясняет ратующим за непременно обновление нашего церковного языка. Признайтесь, допытываюсь я, с различными членами собственной семьи вы общаетесь одинаково? Оказывается, нет: с бабушкой говорим несколько по-иному, нежели с детьми, да и с детьми, в зависимости от пола и возраста, неизменно по-разному. Замечательно, идем дальше. Выясняется, что похожая история и с соседями по дому. В прямой зависимости от степени приязни оказываются лексикон, интонация, сам настрой речи — с руководством, сотрудниками, даже случайными попутчиками.

Итак, слово за слово, вместе мы совершаем любопытное открытие: каждый Божий день, с момента утреннего пробуждения и до сна, все мы в течение жизни, сами того не замечая, варьируем нашу речь, свой *лексикон* и, что немаловажно, *интонацию* применительно к каждому встреченному нами человеку. Какая поразительная избирательность! Так почему же мы, столь утонченные в общении с тварными созданиями (напоминаю несведущим, что в православной лексике это выражение вовсе не обидное), бываем так безапелляционны, как только речь заходит о Творце, создавшем все и вся. Об Абсолюте.

И сердца, как можно больше сердца! Ум в этом делании не первый и не лучший помощник. Как тут не вспомнить полушутливое сетование мудрейшего святителя Феофана Затворника: *«Нынче удержа нет от совопросничества. Ум наш — комар, а все пищит!»* Хотите, удивлю? В «Полной симфонии на канонические книги Священного Писания» обнаружил я шокирующую статистику. Так, слово *мозг* во всей Библии упомянут лишь дважды, причем в одном случае речь идет о мозге жертвенных животных (Иов. 21, 24). Что же касается слова *сердце* (вот истинный триумф!), то оно встречается аж 724 раза! Неспроста Спасителя нашего называют еще и *Сердцеведцем* (Деян. 1, 24).

Отчего же мы так прискорбно суетны и требовательны (увы, не к себе самим), почему, являясь нередко захожанами, а не прихожанами храма, чуть не с порога ратуем за всенепременное обновление церковнославянского языка, тогда как обновляться-то следует прежде нам самим, причем постоянно. В этом-то, возможно, и есть главное предназначение Церкви. Подумайте, разве первоклашкам первого сентября кладут на парты учебники по алгебре и том Солженицына? Вспомним, как учили нас. Какие там шариковые ручки, не было их тогда вовсе: первые полгода только прописи, палочки и крючочки, да и те простым карандашом. Позже — буквы, потом — слоги, а уж потом — слова... Первое, «ученическое», перо — это же было целое событие, вежа! И только в третьем классе — перо «семечкой». А тут — на тебе, с порога: что-то я вас плохо понимаю! Ты вообще понял, осознал — к Кому, в Чей дом ты пришел?

Живительный глоток ключевой воды

Проблема посягательства на старославянский язык была, как выясняется, весьма актуальной в России и два столетия назад. *«Славенский древний, коренный, важный, великолепный язык наш, — взывал к современникам А.С. Шишков, — на котором преданы нам нравы, дела и законы наших предков, на котором основана церковная служба, вера и проповедание слова Божия, сей язык оставлен, презрен. Никто в нем не упражняется, и даже само духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинает от него уклоняться. Что ж из этого выходит? Феофановы, Георгиевы проповеди, которым надлежало бы остаться безсмертными, греметь в позднейшем потомстве и быть училищами русского красноречия... эти проповеди не только не имели многих и богатых изданий, как то в других землях с меньшими их писателями делается. Но и одно издание до тех пор в целостности лежало, покуда наконец принуждены были распродать его не книгами, но пудами, по цене бумаги! Сколько человек в России читают Вольтера, Корнелия, Расина? Миллион или около того. А сколько человек читают Ломоносова, Кантемира, Сумарокова? Первого читают еще человек тысяча-другая, а последних двух вряд и сотню наберешь ли».*

Может это и покажется кому-то парадоксальным, но нынешний церковный язык есть результат реформы, которую некогда совершили (а правильнее сказать — сотворили) святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, *«учителя словенские»*, как высоко именует их благодарная Матерь Церковь. И если потребность в очередной реформе языка все же назрела, то и приступить к ней, как рассуждают опытные священники, допустимо лишь специалистам соответствующего духовно-нравственного и интеллектуального уровня.

Не могу не обмолвиться хотя бы несколькими словами и о непостижимой искренности, открытости нашей веры. Посудите сами: богослужения, таинства, молитвы — все это происходит, в отличие от всех иных религиозных конфессий, действующих в стране, на языке, максимально приближенном к общенациональному. Словно зеркальное отражение душевной открытости самого русского человека.

Являясь печальными свидетелями многочисленных попыток переломить русскую речь через колено, возблагодарим Господа еще и за то, что церковный язык наш есть ограждение и охрана языка русского от возводимой на него брани.

Вот принесешь, бывало, на даче ведро студеной колодезной воды, она постоит денек-другой — глядишь, и нет уже в ней той давешней замечательной свежести. Если же дольше, да на свету, то и вовсе зацветет — для грядок еще сгодится, а более никуда, хоть выливай. Но не беда, можно еще нанести, благо есть неподалеку колодец. А если, не приведи Господи, злые люди изгадят его, как тогда быть, где взять свежей воды?!

Вот и получается, что церковнославянский язык есть некий удивительный неиссякаемый источник с незамутненной живительной влагой, в котором пребывают в первозданной сохранности корни нашего с вами языка, великой русской речи, незримо и таинственно связующей нас с самим Христом.

Воистину гениально предвидение великого Ломоносова о том, что *«Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет».*

6. Русь Святая

«Мировое окаянство» против...

Святая Русь... Часто мы произносим это привычное словосочетание как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь — а почему, собственно? Приходилось ли вам слышать, скажем, о святых Казахстане, Эстонии, Америке, Франции, Ираке, Китае, Мадагаскаре, Австралии?.. Можно продолжать этот ряд бесконечно долго, не находя убедительного разъяснения загадочному феномену. Согласитесь, нам и в голову не придет сомневаться в глубоко органичной связке двух коротких слов, их непреходящей, какой-то тектонической незыблемости.

Так же, как, став свидетелями чего-то, что сделано, на наш взгляд, не по-людски, привычно сокрушаемся: как-то *не по-русски* это. Согласитесь, нам и в голову не придет сказать о чем-то схожем, что это, дескать, как-то не по-киргизски, не по-латышски, не по-уругвайски... В одной аудитории получил недавно любопытную записку: «*В копилку Ваших примеров русскости. На Украине говорят (в повелительном наклонении): "Я тобі руським языком кажу..."*».

...По высоким живописным берегам канала имени Москвы высятся церкви. Когда-то их было много, но почти все они были или уничтожены, или переданы для различных, вовсе не церковных, нужд. В лихую годину безбожной власти над сооружением канала, этого поистине колоссального проекта, трудились сотни тысяч невинно осужденных людей — политических заключенных, получивших лихое прозвище-клеймо: зэк. Среди этих людей, страдающих от непосильного труда и издевательств, было немало священнослужителей. Более того, как свидетельствуют очевидцы, именно на этом грандиозном строительстве их было больше всего. Здесь они умирали сотнями, здесь же их спешно зарывали в землю. А теперь ответьте сами: какой стала эта земля, каждая горсть которой полита кровью и потом святых мучеников и в которой поныне покоится их прах? Вспомним, сколько таких каналов прорыто по всей нашей земле, сколько таежных лесов повалено, сколько возведено великих строек, гидроэлектростанций, проложено дорог, добыто руды, намыто золота, нарублено угля... И разве только в новейшей отечественной истории?

Следует оговориться: во все времена во всех государствах люди погибали за родную землю — это так естественно, так правильно. Но Россия среди них все равно страна особая. Почему? Потому что бесконечные сонмы полчищ, во все времена идущие на нее войной, все это, по выражению Ивана Шмелева, «мировое окаянство» — шло против Христа, образ Которого и поныне пребывает незамутненным в сердце каждого истинно русского человека. Без Бога русский человек не мыслил и не мыслит себе подлинной жизни. А они все лезут и лезут на Русь, посягая не только на ее землю и ее богатства, но и на души наши и детей наших: разномастные легионы тех, кто так и не принял Богочеловека, распял Его, готовя из века в век трон человекобogu, поливая его страшный путь кровью и устилая плотью лучших русских людей.

Кажется, нет ни пяди русской земли, в которой не покоились бы люди — мученики, великомученики, страдальцы за Православную веру, за Богородицу, за Христа и святых Его угодников во все времена отечественной истории. А еще сонмы и сонмы тех, кто прожил свою жизнь по-божески, по-христиански, по-русски, чья земная жизнь была *успешна*, но не в нынешнем значении этого слова, означающего, как правило, финансовое или профессиональное преуспеяние, а в исконно русском. Имеющий «*уши слышать*» не может

не уловить, что слово *успех* произошло от слова *успеть*. Но что же самое главное для всех нас?! *Успеть спастись*.

И пусть кому-то это покажется преувеличением, но я глубоко убежден, что у любого — на выбор — русского человека в каком-то поколении всенепременно окажется в роду святой, и притом не один. Так, среди предков великого нашего поэта А.С. Пушкина — 12 святых по прямой линии и 20 — по боковым ветвям! Просто он, в отличие от миллионов своих соотечественников, но в согласии с обычаем предков, вел свою родословную нить.

Вспоминаю еще рассказ одного пожилого русского человека, услышанный мною незадолго до его кончины. В нем он поведал о том, как когда-то, будучи еще малышом, поинтересовался у своей бабушки — какая из рук правая? «А какой крестишься, та и правая», — просто ответила женщина. Как же тонко прочувствовал это другой наш великий поэт Федор Тютчев, написавший такие строки о родной земле:

*Удрученный, ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Помню, как рассказал об этом одному знакомому. Потом он звонит и говорит: «Представляешь, теперь не могу даже плюнуть на землю...» Поведал-то не ему одному, а вот надо же...

Воистину Русь — это высочайшее дерево с вечнозеленой величественной кроной, корнями своими уходящее в Небо.

Так было во все времена, так совершается и поныне. И не в этой ли земле обрели, наконец-то, покой сотни замученных наших мальчиков: избитых, поруганных, порубленных и обезглавленных, жертв чеченской войны, подобно Евгению Родионову и его боевым товарищам отказавших потерявшим всяческий человеческий облик бандитам, казалось бы, в малом — снять с себя нательный православный крестик.

Святая Русь, как оказывается, не только древний символ, напоенный божественной поэтикой. Русская земля свята не только мистически — ее тысячелетняя святость осуществилась и на физическом уровне. Она и вправду свята, как и весь строй души истинно русского человека, каким он был задуман Творцом. Задуман и осуществлен именно Богом, а не большевиками, ввергнувшими Россию в катастрофу, не лукавыми либералами и не суемудрыми интеллектуалами-безбожниками. А его, русского человека, во все времена зачем-то «придумывают»: то декабристы, то народовольцы, то разночинцы с демократами всех мастей, то идеологи коммунизма, а теперь вот политтехнологи (слово-то какое!?) — словом, все эти «пиджачники» и «плохо крещенные приват-доценты», по меткому выражению историка В.Л.Величко, автора интереснейшего исследования «Кавказ», впервые изданного в 1903 году.

Между тем русский человек, вопреки их мудрствованиям, в лучших сыновьях и дочерях своих и поныне пребывает с немеркнущей иконой Христа, начертанной в самом его сердце, с неугасимым Фаворским светом, дивно озаряющим и согревающим его душу, и нетленным, неоскверненным русским языком на устах. Без таинственного сплетения этих двух начал — русского языка и православной веры — русскому человеку, по замыслу Божию о нем, состояться просто невозможно. И еще одна немаловажная особенность истинно русского человека: чтобы физически болело сердце всякий раз, когда плохо говорят о России, когда ее

обижают и унижают.

О том же, что случается с русским человеком, когда он отлучен от этих основополагающих для него начал, куда как красноречиво свидетельствует вся наша национальная история и, не в последнюю очередь, кровавая драма последнего столетия, отзвуки которой болью отдаются в нас и поныне. Вспомним, как с горечью воскликнул когда-то Ф.М. Достоевский: *«Русский человек без Бога — дрянь»*.

Носители родной речи и веры

Поймал себя на мысли, что с особенной тихой радостью люблю смотреть телепередачи с участием потомков русских эмигрантов первой волны. Несмотря на некоторые особенности их произношения, они производят впечатление абсолютно русских людей. И, в первую голову, по той очевидной причине, что продолжают быть живыми носителями родной речи и Православной веры, унаследованной ими от родителей. Чего не скажешь о детях новых эмигрантов.

Я не оговорился: речь идет не просто о *русскоязычии*, а именно о наличии в человеке русского языка как *родного* — того, на котором видишь сны. Это очень важно, поверьте. Не подлежит никакому сомнению, что большим вкладом в русскую литературу стали замечательные художественные произведения таких выдающихся литераторов, как Чингиз Айтматов, Рустам и Максуд Ибрагимбековы, Олжас Сулейменов, Фазиль Искандер, Чингиз Гусейнов и многих других *русскоязычных* писателей. Однако нам (как и им самим) и в голову не придет считать их русскими. Так что совсем не случайно понятие *народ* в старославянском языке звучит как язык. «*Разумеите и покоряйтеся, языцы, яко с нами Бог!*» — возглашают в Церкви.

Поразительную историю поведал некогда народный поэт России мудрый Расул Гамзатов в книге «Мой Дагестан». В одной из глав он рассказывает, как однажды в Париже встретил земляка-художника, который вскоре после революции уехал в Италию учиться, женился на итальянке и не вернулся домой. «*Почему же вы не хотите возвратиться?*» — спросил у него поэт. Тот ответил: «*Поздно. В свое время я увез с родной земли свое молодое жаркое сердце, могу ли я вернуть ей одни старые кости?*» «*Приехав из Парижа,* — продолжает автор, — *я разыскал родственников художника. К моему удивлению, оказалась еще жива его мать. С грустью слушали родные, собравшись в сакле, мой рассказ об их сыне, покинувшем родину, променявшем ее на чужие земли. Но как будто они прощали его. Они были рады, что он все-таки жив. Вдруг мать спросила: "Вы разговаривали по-аварски?" — "Нет. Мы говорили через переводчика. Я по-русски, а твой сын по-французски". Мать закрыла лицо черной фатой, как закрывают его, когда услышат, что сын умер... После долгого молчания мать сказала: "Ты ошибся, Расул, мой сын давно умер. Это был не мой сын. Мой сын не мог забыть языка, которому его научила я, аварская мать"».*

Глава в этой книге завершается стихотворением «Родной язык», отрывок из которого не могу не привести здесь:

*...И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.*

*Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.*

*Я за него всегда душой болею,
Пусть говорят, что беден мой язык,*

*Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.*

Всякий раз, вспоминая эту историю, не перестаю изумляться суровой мудрости этой женщины. Родившись и состарившись в высокогорном ауле, она ведала о том, чего не дано постичь иным высоколобым мудрецам века сего. А какое царственное достоинство! Как, откуда, каким духом прознала она, что *язык*, по Шишкову, это еще и *язык* — то есть я звучу. И если кто-то вдруг перестал звучать на родном языке, то его и в самом деле нет, ведь звучать, быть *зычным* может только живой. Поразительно! Только вдумайтесь, ведь речь идет о языке очень небольшого народа. Небольшого, как выясняется, только в количественном измерении — таком неубедительном.

И как же обращаемся со своим языком мы?! Языком, на котором на протяжении многих столетий создавались величайшие творения мировой духовной и художественной мысли. Как прискорбно расточительны бываем мы подчас! Безусловно, это происходит и от широты нашей, о которой уже так много сказано и написано, и от национального ощущения богатейших кладезей. Не будем же забывать о том, что неисчерпаемых кладезей не бывает, сорить же богатством и швырять драгоценностями — прерогатива богатого. А ну как пробросаемся?!

С какой скрупулезностью прописаны государством всевозможные законы и положения, регламентирующие охрану и добычу полезных ископаемых — алмазов, нефти. Только тронь — руку оторвут, а то и голову! Но разве не настало давным-давно время на самом высшем уровне — после всенародного обсуждения — принять Закон о защите русского языка как важнейшего национального достояния?!

Лики Родины

Прискорбно, но целые народы, считающие себя цивилизованными, да что там народы — континенты, продолжают жить так, словно и не было никогда Иисуса Христа. И, что совершенно непостижимо для сознания православного человека, — живут без святых, без такого привычного для простой деревенской русской бабушки и непонятного иному *продвинутому* европейцу молитвенного общения. Вообразите: обращаясь мысленным взором к Небесам, мы молим о тех, кто покоится в святой земле, лучшие из которых, *спасшиеся*, снискавшие венцы, прославленные Богом, молят о нас, пока еще живущих на этой святой земле. Мы живем по вертикали!

Как же мы богаты, да мы просто сказочно богаты, что там Гарун аль Рашид! Как приобильует любовь, обращенная на нас. Поясню: родина есть у каждого — крымский татарин называет ее «*ана вэтэн*», что значит *родина-мать*, азербайджанец скажет «*ана торпаг*», что есть *мать-земля*. И конечно же у каждого человека — независимо от цвета кожи и разреза глаз — есть та единственная мама, что даровала ему жизнь.

Но мы, православные, все равно богаче — ведь у каждого из нас есть еще и крестная мать. Та, что призвана печься о нас не менее, а то и более собственной нашей матери, и прежде всего — о нашем духовном возрастании, о нашем спасении. Сколько русских людей могли бы поведать удивительные истории о том, как неустанными стараниями, горячей молитвой своей крестной матери ко Христу, Богородице, святым угодникам Божиим были отмолены и спасены.

И еще есть у нас Мать-Церковь, где рождаемся для вечной жизни в Таинстве Святого Крещения и в лоне которой благословенно пребываем до скончания дней наших, Церковь, которая нас, окаянных, все более сознающих свое несовершенство и недостойнство, сподобляет тем не менее причащения Святых Христовых Тайн, освящает все пути наши, молится о здравии нашем, венчает наш брак, очищает наши жилища, поставляет нам духовных пастырей, а когда настает срок, благословляет сам уход наш, продолжая без устали молиться об упокоении наших душ.

А еще есть у нас Мать Небесная, Пресвятая Богородица — Та, что Присноблаженная и Пренепорочная, Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим, Всецарица, Мать Света, Невеста Невестная, Предивная Лествица, связавшая Небо и землю, наша Небесная Заступница, к Которой взываем в своих бедах и скорбях: «*...яко не имам иныя помощи разве Тебе, ни иныя предстательницы, ни благая утешительницы, токмо Тебе...*»

Можно ли не памятовать о том, что мы являемся обладателями единственной веры, где Бог — только вдуматься! — есть наш Небесный Отец. И это не просто метафора, вот и святой апостол Павел свидетельствует: «*Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!" Посему ты уже не раб, но сын; а если сын то и наследник Божий через Иисуса Христа*» (Гал. 4, 4-8).

Но разве не бывает среди людей так, что отец и сын перестают быть близкими людьми, не дружат меж собой? Увы, часто. Нас же, устами святого апостола Иоанна, называет Своими друзьями Сам Бог. Только послушайте: «*Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его;*

но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15,14-16). Разве такое может даже присниться? Всем нам есть за что неизменно благодарить Христа!

«Николаевское время»

Одно из воспоминаний детства связано с бабушкой, мамой моего отца, рано заменившей мне мать. Бывшая рабфаковка, она была учительницей начальных классов, единственная в нашей большой семье получившая высшее образование на азербайджанском языке. Вспоминая «бывшую жизнь», дочь купца первой гильдии, разоренного большевиками, и жена революционера, она вздыхала украдкой, повторяя чуть слышно: «*Язых Николай! Язых Николай!*» Какого такого Николая жалеет она, недоумевал я тогда, ведь «язых» значит несчастный. Да не было в нашей родне и среди близких никакого Николая, это я знал точно! Оказалось — был. Так моя покойная бабушка Бадам-ханум сокрушалась, жалея казненного русского Царя. Моя жизнь незаметно для меня была связана с государем. Я родился и жил в *николаевском* доме, гонял велик по *Николаевской*. Старые бакинцы по сию пору дореволюционное время называют не иначе как *николаевским*.

Давно это было. А вспомнилось сейчас, когда забежала как-то к нам соседка с нижнего этажа, моя ровесница, попросила помочь внуку Саше: в школе, говорит, задали написать доклад про *Николашку*.

А пишу я сейчас об этом потому, что был у всех нас еще один отец — воистину отец всем народам некогда великой и славной империи, любимый и любящий. Много, очень много вкладывал русский человек в это название — *Царь-батюшка*. Много несчастливо изменилось в Отечестве нашем и судьбах наших с его гибелью, многое померкло, а то и попросту исчезло, как строчка в вечернем молитвенном правиле: «*Императору споборствуй*» перед «*путешествующим спутешествуй*». Только и слышишь ныне сетования: «*А будет ли у нас снова Царь? Нужен он России, тяжело без него*». И что ответить на это? Ну, был у нас государь. И что мы с ним сделали? Как поступили с его женой, детьми, близкими? Что сотворили со всей державою нашей? Восстановимо ли все порушенное? На данном этапе нужно, наверное, прежде обрести царя в голове. А там, глядишь ...

В одном я не прав. Когда сказал, что Царь наш — был. Он есть и поныне, и пребудет с народом своим, покуда теплится в нас вера во Христа и Богородицу, пока молим мы о предстательстве угодников Божиих и в их блистательном сонме святых Царственных страстотерпцев: императора Николая, императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжон Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию, преподобномученицу великую княгиню Елисавету...

В свое время в Москве с большой помпой прошел антифашистский съезд, о чем не преминула сообщить пресса. Причем начался он, как было упомянуто в газетных статьях, с кинопоказа галереи самых известных фашистов двадцатого века, где среди извергов рода человеческого, которых здесь и упоминать-то не хочется, оказался... последний русский Царь, уже прославленный к тому времени нашей Церковью. Но мы и это проглотили. Или попросту не заметили? Как не заметили когда-то страшного злодеяния, совершенного в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в подвале дома купца Ипатьева.

Феномен русскости

Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни.

Константин Ушинский

Если общество и власть не отринут чисто коммерческий поход к культуре, не заявят о борьбе за торжество высших ценностей, нас ждет всеобщее культурное обнищание, невежество, бедность духа, наша культура не будет способна рожать не только гениев, но и просто талантливых людей с широким взглядом на мир, людей, способных открывать новые горизонты, людей нравственных.

Валерий Ганичев, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора

1937 год. Лубянка. Лейтенант Лацис допрашивает профессора медицины, а также архиепископа Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, будущего святого нашей Церкви. Это был не первый и, увы, не последний его допрос. Политзаключенному было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Ватикана. В ответ на это нелепое обвинение следователь услышал: «*Я всегда был русским*». И хотя формально владыка ответил не на поставленный вопрос (ведь его спрашивали вовсе не о национальной принадлежности), ответ его прозвучал на редкость убедительно.

Поясню свою мысль. Представьте, что похожее обвинение предъявляется мне самому. В шпионаже, ну, скажем, в пользу Уругвая (Китая, США — да чего угодно). Я же в ответ гневно восклицаю: «*Да вы что? Я всегда был азербайджанцем!*» По-моему, не только не убедительно, но даже и, согласитесь, смешно и нелепо. Почему же тогда не возникает такого ощущения в предыдущем случае? Ответ может быть только один. Для святителя Луки, как и для подавляющего большинства русского населения России того времени (какой удар для нынешних либералов!), попросту не могло быть различий между понятиями русский и православный. И коль так, то о каком таком Ватикане вообще могла идти речь?! А потому краткий ответ владыки так ёмок и убедителен, так органичен и правдив.

— Кто ты? — Русский.

Из века в век, называя себя, обозначая свою национальную принадлежность, русские люди — в отличие от всех иных народов — отвечают, по сути, не на привычный вопрос *кто* ты, а на вопрос *какой*. Тем самым, даже не отдавая в этом отчета, избирают не примитивно-биологическую, а иную качественную доминанту. И именно *русскость*, как явление высшего порядка, по сей день продолжает оставаться непостижимым феноменом всех времен и народов, вызывающим различные, подчас взаимоисключающие суждения и толки. Именно об этом явлении так удивительно и прозорливо, как умел делать это только он, писал Федор Достоевский, называя русских *всечеловеками, вселенскими людьми*.

И как же обедняют собственную страну, ее культуру и науку, литературу и искусство те, кто и поныне с прискорбным упорством обосновывают понятие русскости, исходя в основном из биологической составляющей. Если ее взять за мерилу русскости, то сотни светочей отечественной культуры, истории, науки и религии: тот же Достоевский, а также Пушкин, Лермонтов, Даль, Куприн, Мандельштам, Шостакович, Суворов, Барклай-де-Толли, Багратион, Чапаев, Ахмадулина, Ким, Окуджава, Левитан, Рихтер, Вахтангов, Симонов, Светлов, Хуциев, Данелия и многие-многие иные (этот список можно продолжать до бесконечности) — как «не чисто русские» должны быть сброшены с борта Русского Корабля. При «биологической» постановке вопроса в этот же «черный список» наверняка будут вписаны многие и многие имена последней российской царствующей

династии, а также — страшно даже помыслить — венчающие Собор новомучеников и исповедников российских святые Царственные страстотерпцы, среди которых — великая княгиня Елизавета Федоровна, заживо погребенная большевиками в шахте. В «нерусские» придется зачислить и чудотворца всея Руси преподобного Александра Свирского и Пафнутия Боровского, и архиепископа Крымского Луку (Войно-Ясенецкого) — словом, сотни и сотни имен русских святых...

Да только здесь, в России, могли и, слава Богу, могут рождаться и проживать свою неповторимую жизнь русские немцы, русские евреи, русские корейцы, русские татары... Автору этих строк приходится все чаще и чаще встречать даже русских азербайджанцев, окруженных любовью и почитанием православных пастырей. Как замечательно это высочайшее родство, когда *«крови неродной, а души одной»*.

Задавая в различных аудиториях один и тот же вопрос, кто же из наших святых *«самый русский»*, неизменно слышишь в ответ: Николай Чудотворец. И это поразительно, ведь речь идет о человеке, который родился и вырос вдалеке от России задолго до ее Крещения и даже, скорее всего, не имел представления об этой стране. Но, вопреки всему — он самый русский! Именно поэтому в одной из своих замечательных проповедей, произнесенных в 1949 году, святитель Лука скажет: *«Обратим свой взор направо — там возвышаются горы, на вершинах которых видим пророков, патриархов во главе с Авраамом, апостолов, сонмы мучеников Христовых, сияющую светом плеяду святителей и впереди них — Николая, Чудотворца Мирликийского»*.

Вспоминаю в этой связи, как около шести лет назад названивал из Москвы знакомому игумену в Сергиев Посад, в гимназию, которая была к тому времени передана его заботливому попечению. Всякий раз слыша от охранника, что *«батюшка у Прасковьи»*, приходил в немалое смущение, зная Его Высокопреподобие как человека строгих правил. Теряясь в мыслях, о какой Прасковье идет речь, я сообразил, наконец, что искать его надо, конечно же, в храме великомученицы Параскевы, где он был настоятелем. И хотя эта великомученица жила в III веке в Римской империи, она для нашего народа стала совершенно родной, русской — Прасковьей...

Представляю удивление простых русских людей, если бы им взялись пояснять, что многие русские святые, любимые ими с самого детства, молитвами к которым они были сохранены, родились отнюдь не в России, а в далеких от нее странах и были «не русскими». И не только удивление, но и, возможно, обиду. Сподобился же автор этих строк более тридцати лет назад, только-только сдавший на отлично научный атеизм, обидеть бабушку своей однокурсницы, безапелляционно заявив ей, попытавшейся робко отстоять бытие своего Бога, что на шее своей она носит (прости меня тогдашнего, Господи!)... изображение еврея. Мне она возражать не стала, а внучка ее передала мне потом полные недоумения слова ныне покойной Александры Михайловны, бабы Шуры, добрейшей души человека: *«Ну, зачем он так? Он что, не знает, что Христос — русский?!»* Каюсь, тогда — не знал.

«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим» (Ин. 14, 21). Эти слова Христа Спасителя непостижимым для нас, смертных, Промыслом Божиим наиболее полно, с детской доверчивостью были восприняты и исполнены людьми, называющими себя русскими. А теперь ответьте сами: если из превеликого множества детей наиболее похожими на Отца стали *русские* дети, то каковым должен называться Сам Отец их? И если кого-то продолжают смущать многие внешне непривлекательные стороны нынешнего бытования русского человека,

несовместимые, по их мнению, с избранностью, тогда всмотритесь в земную жизнь Самого Христа, пришедшего не во славе, а, по слову Тертуллиана, в «зраке раба», не имеющего где главу приклонить, оболганного и избитого, поруганного и распятого.

Замечено, что ретивые сторонники «биологизма» чаще всего оказываются вовсе не православными людьми, а неоязычниками всех мастей. Они не гнушаются посягать даже на Христа, призывая соплеменников вернуться к забытым русским национальным богам, к нормам и нравам того далекого времени, которое они считают благословенным (до навязывания народу, как они утверждают, иудаистской религии — так они смеют называть христианство). Бог им судья.

Мы же в очередной раз поразимся тому, как животворная энергия добра и блага, счастливо заключенная в подлинной русскости, самым непостижимым образом сподобилась очеловечить даже гнетущую мертвечину коммунистической идеи. Обнаружив свою полную нравственную несостоятельность, русские прибегли именно к Христовым заповедям, окрестив их «Моральным кодексом строителя коммунизма».

Только русскость могла преобразить кровожадные выкрики диких воинов, их кровожадный боевой клич «*вур ай!*», что по-тюркски значит «бей», — в русское *ура*. Да-да, в то самое родное *ура*, которое так торжественно-радостно звучит и над именинным столом, и после удачной защиты диссертации, и над стройными рядами доблестных воинов. Воистину русский язык — это еще и плавильный котел. Много чего попадает в его огненный замес; но вот отошли шлаки — и чистое золото слова уже брызжет в новую, вдохновенно отлитую для него народом-умельцем неповторимую форму.

Некогда Виссарион Белинский в известном эссе со свойственной ему неистовостью звал своих современников в театр. Мне же, нынешнему, больше по душе Православный русский храм. Ибо только здесь, в этих стенах, самым непостижимым образом продолжает пребывать в первозданной своей небесной красоте Русь — не оболганная и не загаженная, Предивная и Препоблагословенная, Русь преподобного Сергия, Русь Святая.

Она так нуждается в нас, в нашей любви! Кажется, только полюби ее всем сердцем — а там и до Царствия Небесного недалеко. Не случайно ведь предателей Родины испокон веков называли здесь *христопродавцами*. Народное сознание безошибочно идентифицировало это тягчайшее преступление с богоотступничеством. Вот и у Гоголя в одном из писем находим удивительное прозрение о России: «...Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной».

Ныне же на этой самой родине новоявленные саддукеи и фарисеи отечественного мутноватого разлива подняли просто вселенский шум вокруг робких попыток, предпринятых исконным населением, факультативно (!) преподавать своим чадам знания об основах Православной культуры, без которой просто невозможно, по меткому выражению Пушкина, «самостояние» русского человека. При каждой попытке неравнодушных представителей коренного населения предпринять шаги, связанные с обретением национальных корней, восстановлением утраченных исторических и культурных связей, на них сыплются обвинения чуть не во всех смертных грехах, в том числе и в национализме. Да еще принялись стращать на все лады: дескать, это неминуемо приведет к возникновению межнациональной розни.

Аналогичные вопросы были заданы автору этих строк во время беседы, состоявшейся на радиостанции «Радонеж». И тогда, и сейчас я глубоко убежден, что ознакомление школьников (а также их родных и близких) с основами Православной культуры может

способствовать лишь стабилизации морально-психологической обстановки в российском обществе.

Вспомним, когда воспитанный человек приходит в гости, он — к этому обязывает этикет — не должен самостоятельно усаживаться за стол, терпеливо ожидая того момента, когда *хозяйева* сами усадят его по своему усмотрению, руководствуясь при этом собственными мотивами. И это абсолютно нормально! Нынешняя же ситуация в большом и гостеприимном Русском Доме такова, что превеликое множество непрошенных гостей не только не считает нужным дождаться соответствующего приглашения, но уже давно норовит спихнуть с собственного его места самого хозяина.

Главная цель изучения основ Православной культуры видится мне в том, чтобы пробудить в русском человеке национальное достоинство. Именно достоинство, а не чувство национального превосходства над кем-либо, как это пытаются порой интерпретировать. Даже на домашних животных (да простится мне такое сравнение!) принято заводить родословные, а уж человек без корней перестает быть человеком. Чрезвычайно важно осознать сегодня, что подлинная история культуры России, ее духовный рост начались не после пресловутого 1917 года, как десятилетиями вдалбливалось в общественное сознание. История России неразрывно связана с Православной верой, и только в этой нераздельности подлежит как изучению, так и последующему научению. Поверьте, обогащенный этим новым для него знанием, качественно иным ощущением себя и своего народа в стране и мире, обновленный русский человек и вести себя будет иначе — с невиданным доселе достоинством. Как у себя в Русском своем Доме, так и за его пределами. Может именно этого, главным образом, и боятся его многочисленные, скрытные и явные, недруги?!

Не пора ли всем вместе ополчиться на тех, кто вот уже два десятилетия глумится над русским народом и его будущим — над детьми?! Потоки ядовитой заразы льются в неокрепшие души малышей с экранов телевизоров (этих, по чьему-то меткому выражению, икон дьявола), со страниц лживых учебников, искажающих историю нации, посредством разного рода программ в детские головы подспудно вдалбливаются блудливые мысли и чувства. И добились-таки некоторых успехов. Даже те единичные средние общеобразовательные заведения, в которых представители коренной национальности страны хотели бы воспитать своих детей в национальном духе, стыдливо называются ныне школами с русским этнокультурным компонентом. Вместо краткого и емкого — *русская школа*.

Черной может быть только душа

Что касается *политкорректности* и *толерантности* (слова-то какие!), то наше трепетное отношение к этим заморским понятиям вообще заслуживает отдельного разговора. Первое понятие заключается ныне в том, что негров, к примеру, нельзя называть неграми, а следует называть африканцами или афроамериканцами — в зависимости от того, откуда кто родом. Не политкорректно это, видимо, по той причине, что само слово негров в переводе с испанского значит *черный*. Так их наверняка называли первые колонизаторы, среди которых — держу пари — не было ни единого русского. А потому русским людям, за исключением единиц, даже в голову не может прийти, что в слове *негр* может содержаться нечто обидное. Русский человек называет негров неграми так же, как называет китайцев китайцами, татар татарами, а азербайджанцев азербайджанцами. Впрочем, последних все чаще называют в России *азерами*, что в переводе (ну кто бы мог подумать!) означает *пламень*. Ведь буквально Азербайджан — это пламенная, огненная душа. То ли темперамент тут замешан, то ли щедрые запасы нефти и газа, которыми издревле наделен этот край. Про армянина же можно услышать порой пренебрежительное *хачик*, что в переводе значит *крестик*. Да-да, *хач* по-армянски — это *крест*, отсюда и столь популярное национальное мужское имя. Вот так и грешим всеуе.

К слову, с этой злосчастной *толерантностью* носиться бесполезно — как ни старайся, на всех не угодишь. В свое время (а было это эдак четверть века назад), будучи еще преподавателем русского языка для иностранных учащихся в Азербайджанском университете, пригласил в гости марокканского аспиранта Дрисси Раххали Раххал, которому его половина, бакиночка Ирина, родила очаровательного Мурадика, который в ту пору шлепал в один детский садик с моей старшей дочерью Томочкой. Такие вот тесные дружеские международные контакты. Как сейчас помню, хорошо так сидим, едим, пьем, говорим приличествующие случаю тосты. Международным скандалом и не пахнет. Но он все-таки случился, правда, в одной отдельно взятой квартире.

А дело было так. Чтобы как-то занять малышей, крутили им (ничего не подозревая!) диафильм, который озвучивала пластинка со стихами классика советской литературы Корнея Чуковского в авторском исполнении. Такое вот примитивное детское кино. Все чинно-благородно. Наш зарубежный гость как раз произносил ответный тост с пожеланиями нам как-нибудь посетить его чудесную гостеприимную страну на севере Африки. И тут, как по заказу, из динамика послышался голос Корнея Ивановича: «*Маленькие дети, ни за что на свете не ходите, дети, в Африку гулять! В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы! Будут вас кусать, бить и обижать! Не ходите, дети, в Африку гулять!*» Гость оторопел, поставил бокал. «*Это что?*» — спрашивает. Пытаюсь что-то объяснить по поводу детской литературы, но, похоже, у меня это получается не слишком убедительно. «*Это ведь расизм! Зачем детей с детства к этому приучать? Нехорошо!*» Обнял мою Тamarку, гладит по курчавой головке и приговаривает: «*Это неправда, доченька! Ты это не слушай, все равно приезжай в Африку, никто тебя там кусать и бить не будет, мы всех гостей любим*». Кое-как уладили тогда дело миром, благо запаслись напитками впрок.

Так что прикажете делать?! В любом случае я не намерен отказываться от любезного моему сердцу Корнея Ивановича.

Поэт Владимир Маяковский отчеканил некогда хрестоматийное: «Да будь я и негром преклонных годов и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Так вот здесь, на мой взгляд, некорректность, если не сказать хуже, содержится именно в конце, а не в начале фразы. Парадоксально, но «черными» негров в России никогда не называли (не в пример Баку, где мои бывшие чернокожие студенты очень на это обижались): ни когда их было мало, ни теперь. Чего нельзя сказать о выходцах из южных и восточных просторов некогда великой державы, наводнивших ныне российские города и веси. Думается, причиной тому отнюдь не цвет волос или оттенок кожи, и даже не род занятий, который у местного населения откровенно не в чести. Скорее всего, это происходит от того гнетущего (не светлого!) впечатления, которое неизменно производят на открытую русскую душу флюиды, исходящие от групп пришельцев, отгородившихся непроницаемым враждебным частоколом иного языка, нравов, манеры поведения. Но разве непонятно, что черной может быть только душа, а не цвет кожи, глаз или волос. Думается, иной «конкретный» рыжий может посеять в России немало мрака!

Россия или «дом толерантности»?

Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке.

Николай Трубецкой

Как ни прискорбно, но мы, нынешние, толерантные и политкорректные, боимся обидеть кого угодно: национальные и сексуальные меньшинства, правых и неправых (этих особенно), своих и чужих (этих не приведи Господь!) — не боимся обидеть только Христа. Что же касается пресловутой *толерантности*, то на этот счет запомнилась остроумная реплика, произнесенная на одном из Рождественских чтений профессором Ириной Яковлевной Медведевой, замечательным ученым-психологом и блестящим оратором. Она поведала о том, как на одной из конференций ее вконец одолели этим требованием — большей толерантности, которой, как там утверждали, в России еще очень мало. Пришлось прикинуться простушкой и поинтересоваться, а что означает это слово, как это можно сказать по-русски. Ей пояснили: терпимость. На что она, не растерявшись, ответила, что-де до революции в России были так называемые дома терпимости. Выходит, их правильнее было называть домами толерантности?

Мы же, в свою очередь, задумаемся: а не желают ли наши многочисленные радетели и впрямь превратить святой Русский Дом в один большой «дом толерантности»?!

И еще. Что более всего не по сердцу автору этих строк, так это именно перевод самого понятия *толерантности* на русский язык. Только прислушайтесь: нас призывают относиться к окружающим терпимо, то есть *терпеть* людей. Но разве не в этом и состоит вера наша? И разве не к этому, только совершенно по-иному, призывает нас Господь пречистыми устами Своими: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 43-45).

Однако свято место, как известно, пусто не бывает, как не бывает вакуума в пространстве, именуемом идеологией. И именно при нашем попустительстве в сердечки наших детей и подростков, мятущихся в поисках героев для подражания, не без злого умысла втискивают легионы туповатых атлетов с накачанными мышцами и пустыми глазами, жутких монстров и нагловатых, агрессивных черепашек, бесцеремонно распахивая при этом благородных сказочных персонажей. Но ведь совсем не случайно Алеша Попович, один из былинной богатырской троицы, был выходцем из семьи священнослужителя, а ее центральная фигура, Илья Муромец — ныне является святым небесным покровителем отечественных погранвойск. Разве не являются эти русские витязи воплощением гармонично — не только физически, но и духовно — развитых мужей?

Вместо этого «юноше, обдумывающему житье, думающего сделать жизнь с кого», навязываются другие «достойные внимания» примеры. Тот же Маяковский, так страшно распорядившийся своим недюжинным талантом (а ведь талант, по слову Святых Отцов, — поручение от Бога!) и жизнью, советовал своим юным современникам брать пример с Феликса Дзержинского, основателя и руководителя печально известной ЧК — главной цитадели, разрабатывающей и осуществляющей многолетние изуверские планы

беспримерного геноцида русского народа. Может, не случайно в анкете своей в графе национальность поэт-самоубийца отказался называться русским, записав: «грузин».

Что ж, надо признаться — усилия многих поколений западников дали-таки свои ядовитые всходы. Многие наши молодые люди нет-нет да и вздохнут ныне украдкой, умильно глядя в дальнюю заокеанскую сторону. Не оттого ли, что тамошние жители круглосуточно сияют «фирменными» улыбками, источая флюиды благоденствия и уверенности в завтрашнем дне?

А зря! Все же не стоит потаенно вздыхать, наблюдая сцены демонстративной любви, щедро напомаженные жизнерадостным бриолином. Неизменно испытываешь за них чувство некоей неловкости, не покидает ощущение пока-зушности: словно кто-то по-театральному пылко изъясняется в нежных чувствах любимой в переполненном общественном транспорте. Возникают навязчивые ассоциации с дежурным общенациональным оскалом, именуемым почему-то улыбкой; по меткому же выражению профессора А.И. Осипова — гримасой улыбки. Вовсе не ратую за угрюмость, но даже она, являясь искренним проявлением отношения к конкретному событию или человеку, все же естественна, чего не скажешь о вымученной долгими упражнениями со словом «сыр» мимической судороге.

И не потому ли на глянцевои, незамутненной поверхности «лучшего из миров» нет-нет да и разорвется очередной зловонный гнойничок. Это и изощренные убийцы усыновленных зачем-то малышей, и малолетние расстрельшики собственных одноклассников. Это и всенародное, без тени застенчивости и намек на деликатность сюжета, вовлечение нации в беспрецедентную по цинизму эпопею с домогательствами бывшего президента супердержавы к практикантке — с последующими разбирательствами на самом высоком государственном уровне неких пятен на некоем платье, позорная процедура сличения, подробный протокол которого без всякого зазрения совести был обнародован даже в нашей прессе...

Задумаемся, а ведь речь идет о выборном руководителе огромной нации, кичащейся высокой цивилизованностью, претендующей на мировое лидерство. Дабы скрыть позорный конфуз, можно использовать древнейший безотказный рецепт: поиграть накачанными мышцами, насылая с неба огонь на головы мирных жителей Сербии или Ирака. Между тем по преданию именно в Месопотамии, междуречье Тигра и Евфрата, и находился в самом начале человеческой истории рай, населенный первыми людьми. Интересно, знают ли об этом звездно-полосатые убийцы и их союзники?

Несколько лет назад в Штатах разразился скандал, по понятным причинам не нашедший освещения в отечественных средствах массовой информации. А затронул он весьма важную и, как оказалось, щепетильную тему этногенеза заокеанской нации. Здесь был обнародован новый научный взгляд на историю заселения Северной Америки. Он заключался в том, что первыми переселенцами с европейского материка, заложившими основы этой цивилизации, были в большинстве своем не только беглые каторжники и люди, находящиеся не в ладах с законом, но и в огромном количестве... гомосексуалисты, которых прежде всего привлекала возможность надежно укрыться от пуританских устоев Старого Света в бескрайних просторах нового материка. Узнав об этом, современные предприимчивые американцы тотчас наладили выпуск компьютерных игр с соответствующими сюжетами и сценками, полными пикантных намеков. Это, собственно, и вызвало скандал, о котором автор этих строк вычитал в... специальном компьютерном журнале.

А чего стоит недавний публичный восторг премьер-министра Великобритании по поводу

легализации однополых браков. После же победоносного шествия по Альбиону богохульного и богомерзкого фильма «Код Да Винчи» 60 % нынешних британцев, как показали специальные опросы, поверили, что у Христа (прости нас, Господи!) и в самом деле были жена и дети. Странно все это, словно речь идет не о древнейшей европейской стране, бывшей некогда оплотом христианства, которую и ныне возглавляет королева, помазанница Божия. Как это прикажете совместить?!

А тут американское телевидение порадовало своих зрителей очередной сногшибательной новостью. Оказалось, что по итогам традиционного предновогоднего опроса на тему «Человек года» победили двое: популярная ведущая одного из ток-шоу и... Иисус Христос. Часто, весьма часто создается впечатление, что речь идет не о трехсотмиллионной стране, претендующей на роль мирового лидера, а о пациентах некоей гиперлечебницы для тяжелых душевнобольных. Да, не все ладно в датском королевстве...

Ощутить невидимое

Так стоит ли сокрушаться, косясь в сторону заката, что не там-де угораздило нас народится на свет Божий. Научимся мерить собственную жизнь и судьбу своим, а не чужим аршином, не уподобляясь тем, кто, вопреки изобилию умных механизмов и еды, так и не может, как ни тужится, преодолеть *комплекс культурной неполноценности*. Соединенные Штаты — только вдумайтесь — моложе нашего Большого театра! А театр этот — далеко не первое и не главное достижение русской нации. И как бы течение семи десятилетий ушедшего не искажали историю России, нынешнему и всем последующим поколениям важно не забывать, *что* за плечами народа — незыблемые пласты высочайшей духовности и святости предков, величественной тысячелетней традиции. Достаточно вспомнить, как уже говорилось выше, что у того же Пушкина в роду 12 святых по прямой линии и 20 — по боковым. Да и не у него одного, а у многих и многих миллионов русских людей.

Покойный ныне протопресвитер Алексей Киселев, бывший настоятелем в храме преподобного Серафима в Нью-Йорке, произнес некогда слова, преисполненные пронзительной сыновней любовью к Родине. Вслушаемся в них и мы: *«Тем, кто не был еще в России, очень советую побывать — прочувствовать, ощутить невидимое и не отвернуться от многого видимого»*. Как же созвучны они страстному призыву Достоевского: *«Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами святят и всем путь освящают!»*

Страна иных

Родная речь — это священная духовная скрепа русской цивилизации, без которой нас просто не было бы, и мы обязаны бороться с его обеднением и вытравливанием.

Валерий Ганичев, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора

Преподобный Сергей Радонежский — игумен Земли Русской. Как часто приходится слышать эту фразу, и не только слышать, но и самому повторять, любясь ее звучной красотой, но едва ли задумываясь над ее подлинным смыслом. Так во всяком случае было с автором этих строк. Но случилось, что, услышанная в очередной раз, она поставила его в тупик. И в самом деле, это что же получается, Россия — монастырь?! И как прикажете это понимать? Ведь монастырь — обитель монахов. А слово это происходит от греческого *μονος* (*монос*), что значит *один*.

Гораздо больше, как мне кажется, русской душе говорит другое слово, означающее этот вид подвижничества, — *инок*. Встречаясь с монахами, русский человек не мог не заметить, что при всей своей схожести с ним эти люди все же *иные*. И дело тут вовсе не в разнице во внешнем виде и даже не в отсутствии привычного для обычных людей уклада жизни и семьи. Разве мало в жизни разного рода отшельников, бобылей да холостяков. Нет, разительное отличие *иноков* виделось в *иных*, непонятных обывателю ценностях, о которых он едва ли мог догадываться. Словно они обитают рядом, но в то же время в параллельном, *ином* мире, где царят *иные* законы, где дорожат *иными* ценностями, где кажется *иным* сам воздух за высокими стенами обители.

Вот и Россия испокон века чаёт жить *по-иному*. И оттого-то мир ее часто не понимает и не принимает, да и понять не может, а потому и не оставляет в покое. Мне кажется, страна наша напоминает ребенка, который в тихом одиночестве играет в *своем* уголке в свои игрушки, а чужие взрослые все лезут и лезут к нему, поучая жить по своим правилам. Дитя же устало и беззлобно твердит: да не лезьте вы ко мне, оставьте меня в покое, я ведь вас не трогаю. Вам ведь все равно непонятны и неинтересны мои игры и забавы, так оставьте меня. Нет, похоже, не оставят.

Долго размышлял, писать об этом или нет, и все же решился. Читая лермонтовские строки: «*Прощай, немытая Россия...*» — невозможно, как мне кажется, не расстраиваться. За что он так?! Да, известно, что у нас не Люксембург (и слава Богу!), что никогда не мыли мы свои тротуары и вряд ли когда-нибудь будем их драить, что пути-дороги наши по-прежнему извилисты и ухабисты... Конечно, почему бы и не драить свои тротуары в то время, когда тебя и твою страну из века в век другая страна защищает от азиатского варварства. И все же, как он, русский, да еще Лермонтов, — посмел такое написать?! «*Немытая*» — это о Святой-то Руси!? Но ведь «*Люблю Отчизну я, но странную любовью...*» — написано этой же гениальной рукой.

Бог ему судия. А только пришло-таки примирение. Нежданно и с нежданной стороны. Моя добрая жена, в раннем детстве в Ставрополе пережившая ужасы немецкой оккупации, поведала как-то, что в ее селе красивые молодки, да и вообще привлекательные женщины, дабы отвязаться от наглых притязаний ненавистных фрицев, сознательно уродовали себя, нацепляя на стройные тела грязные, рваные одежды, обстригая пышные косы и вымазывая сажей румяные лица. Вот и хочется сказать всем тем, кто и поныне без устали поносит нас за неказистость нашу: мы в оккупации и живем, да еще в такой невиданной доселе духовной

оккупации, которая как по масштабам своим, так и по подлой жестокости ни немцу, ни Бонапарту, ни Батью и не снилась. Для кого наряжаться-то?! А вот придет День — только бы ей, родимой, дожить, дотянуть — и тогда предстанет Русь во всей своей ослепительной белизне, невиданной миру красе пред Тем, Кого так долго и терпеливо ожидала, Кому так усердно со слезами молилась, для Кого хранила и умножала, и сберегла-таки, самую большую драгоценность, самую свою заветную святыню — великую русскую душу.

Да, у Святой Руси — воистину иное предназначение. Послушайте, как сказано об этом у Максима Яковлева в его своеобразном писательском дневнике «Строки из жизни»: *«Разве не радость принадлежать к народу, которому отвел Господь такое великое пространство — чуть ли не вполовину земной окружности. А ведь и не зря отвел, как мне догадывается: должна же быть на Земле хоть одна страна, где бы начало дня на востоке начиналось с возгласа: "Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа"... и так, по мере движения солнца на запад — одна за другой — шла как бы единая нескончаемая Божественная Литургия! И едва затихает у нас на западном берегу, как тут же вспыхивает на восточном... В мире нет такой страны больше, только одна Россия».*

7. «Стать русскими во-первых и прежде всего...»

Когда русские слабеют — другие звереют

При изучении языка какого-нибудь народа почти неизбежно знакомство с его психологией, нравами и обычаями, географией. Что же касается языка русского, то здесь случай особый. Вся его красота, вся бездонная чистая глубина, вся необъятная высь и ширь его становятся понятными лишь в свете христианской веры. Русский язык попросту не может полноценно жить и развиваться в пространстве, лишенном света Православия, вне церковной ограды. И если волею истории, которую люди церковные привычно называют Промыслом Божиим, язык, как и его носители, все же оказывается в этой неестественной для него оторванности от Церкви и веры, как же стремительно он чахнет, словно подсолнух, лишенный радости лицезреть дорогое ему солнце. А потому всегда (и это закономерно), когда бы ни зашла речь о русском языке, неизменно встает во весь свой исполинский рост Православная вера, без которой ничего толком не понять ни в языке русском, ни в русском национальном характере. Так же как и рассуждения о *русскости* абсолютно беспочвенны и абстрактны, если игнорируется *русское слово*. В необычайно сложном и противоречивом процессе формирования нации русский язык и Православная вера в конечном итоге явились той созидательной силой, которая сотворила русского человека, его душу, феномен русскости как таковой. Как же хорошо сказал об этом Иван Бунин: *«Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного строя) есть нечто нераздельное»*.

В свое время довелось познакомиться в Стамбуле, некогда именуемом Царьградом, с немцем, давным-давно переехавшим в Австралию, где он женился на турчанке, которая приходится мне дальней родственницей. По роду своей деятельности я не раз подолгу общался с «настоящими» немцами, живущими на своей исторической родине. Свидетельствую, что Вольфганг, с которым мы провели замечательный вечер, остался стопроцентным немцем, несмотря на оторванность от своей родины. И вовсе не потому только, что изъяснялся по-немецки. Повторяю, он оставался немцем по своей сути. С русским же человеком в подобной ситуации произошли бы весьма серьезные, подчас необратимые метаморфозы.

Весьма показательную историю, случившуюся с ним еще в раннем детстве, услышал я от человека, которому сегодня далеко за сорок. Когда в московском дворике детвора принялась выяснять, кто какой национальности, он прибежал к отцу и спросил: *«Папа, а я кто по национальности?»* — *«Ну, если не знаешь, значит, русский»*, — ответил отец. История показательная в такой же мере, как и печальная.

Так что же это значит — быть русским? И что значит быть русским сегодня? Безусловно, необходимо всем миром преодолевать пагубную привычку по каждому мало-мальски значительному поводу как радостного, так и печального свойства прибегать к спиртному. Будем помнить поучение Владимира Мономаха: *«Лжи остерегайся и пьянства, от этого ведь душа погибает и тело»*.

Пугающая статистика о том, что население России ежегодно уменьшается на один миллион человек (!), лукавит на самом деле в одном: на это страшное число становится меньше именно русских. Поразмыслим, слово *великий* означает еще и *большой числом*. А значит, устойчивое словосочетание *великий русский народ*, помимо величия духовного, исторического, культурного, включает в себя еще и весьма немаловажную — демографическую — составляющую.

Таким образом, создание крепкой семьи и достойное воспитание собственных детей — это, если хотите, первейший гражданский долг. Что делать тем, которые по тем или иным причинам не могут родить собственных детей? Наверное, вспомнить о том, что сегодня у нас в стране более семисот тысяч сирот: почему бы не поделиться с одним из них частицей своей любви, тепла, уюта?

Чужих детей, как и чужого горя, не бывает. Это не просто слова. Знаю не понаслышке и лично свидетельствую: чужой поначалу ребенок, проведя под вашей крышей всего лишь несколько дней, постепенно перестает быть для вас чужим. Пройдет не так много времени — и вы будете с недоумением вспоминать, как эта мысль вообще могла прийти вам в голову. Однако дети не признают полумер: полулюбви, полудоброты, полурадости. И чтобы малыш поверил вам, необходимо отдать ему часть себя, притом немалую — часть своего покоя, благополучия, достатка, сна. Последнее, поверьте, испытание весьма серьезное; особенно если квартира малогабаритная. Но ничего — мы и так многое проспали в этой жизни. И еще один совет: раз и навсегда запретите себе говорить о расшалившихся не на шутку детях, что они *бесятся!*

А еще надо любить свою армию. Да-да, именно такую, какая она есть сегодня: униженную материально, опозоренную прессой и алчными офицерами, зараженную дедовщиной, высмеянную в анекдотах. Какая есть! Какие мы сами — такая и армия. Поверьте, глянцевого армий не существует вообще. А эта — наша. И случись что — именно она будет защищать нас с вами, наших матерей, жен, отцов, дедов, наших детей. А также нашу землю, наши храмы, наши святыни, наши дома и наши могилы.

Кто, как не они, наши солдаты, уже которое десятилетие, невзирая на все тяготы и лишения, потери и ранения, исполняют свой долг, заслоняя нас от оголтелой ненависти ублюдков всех мастей, оберегая от смерти и наркоты. И значит, мальчикам надо идти и служить, становиться мужчинами. Мы просто обязаны быть сильными. Как-то услышал и запомнил: когда русские слабеют — другие звереют.

От доктора филологических наук профессора Т.Л. Мироновой как-то довелось услышать, что слово *Русь* значит *бе-' лый, светлый*. Отсюда, по ее мнению, и слово *русый*. Иное мнение высказывает ее коллега Салтыков из Свято-Тихоновского богословского университета. И заключается оно в том, что тысячелетие назад слово *Русь* значило *вооруженный человек*. И в том и в другом случае наличествуют великие, сокрытые от иноземного уха, потаенные смыслы. Русь — во все времена — есть светлый, лучезарный воин Христов, сражающийся против миродержца, князя тьмы.

Еще важно проторить свою, личную дорожку в православный храм, дабы найти неложные ответы на вопросы, с которых началась эта глава. Конечно, и в храмах не все совершенно. Но поверьте в истинность этих слов: лучшие из русских священников знают то сокровенное, чего не знает больше никто на всем белом свете.

В этих святых стенах не принято мудрствовать о национальной идее по той простой причине, что здесь она обретается вот уже второе тысячелетие. Не случайно для каждого церковного человека так святы эти понятия: *вера, Родина, семья*. А о какой еще иной национальной идее может идти речь?! И разве не в этой святой лечебнице — пусть непросто, пусть не сразу — преодолеваются *собо́рно* болезни и скорби нашего времени?

Поразмыслим, разве может молодой человек вырасти в беспамятстве о своих корнях, о своих предках, если сызмальства привычно пишет под диктовку родителей записки о церковной молитве за живых и почивших в Бозе сродников. И не будет он поганить душу

никакой рок-какофонией, потому как с младых ногтей получил в церкви самое что ни есть правильное музыкальное образование, каковые суть: церковное, классическое и народное. В этих благословенных стенах нет и быть не может сиротства. Папы у тебя нет, мой хороший, бросил вас с мамой — но есть батюшка! Редко кто из нынешних отцов превзойдет в истинности чувств к своему чаду заботливого священника, разрешающего пред Самим Иисусом Христом наши бесчисленные прегрешения. Да и для многих женщин, приходящих в храм, священник, помимо многого, что он несет в себе, еще и, чего греха таить, такой необходимый образец, настоящего, состоявшегося мужчины. Сотворенная многими усилиями и молитвенным подвигом неустанного батюшки хорошая церковная община разве не земной прообраз небесного братства людей, истинной семьи? Какой замечательный повод задуматься об удивительных традициях русской святости, где все — не случайно, все — Промысл Божий. Не промыслительно ли, что в самом начале XX века, принесшего России величайшие беды и скорби, был явлен пронзительной чистоты пример подлинно русской христианской семьи — святых Царственных страстотерпцев и мучеников. А ведь именно с нападков на традиционную русскую семью начала свое правление безбожная власть, направив на ее разрушение свои усилия. Да и нынешние многочисленные разрушители России привычно метят ядовитые стрелы в самое святое, самое сокровенное: в Православную Церковь и русскую семью.

А ведь сколько раз им казалось, что вот еще немного — и все, падет Православная Россия. Помнится, как еще в моем далеком детстве тогдашний лидер государства грозился вскорости показать по телевизору последнего попа. Ан нет! Храмы позакрывали? Ну что ж, воля ваша. А разве — Христа нет?! И тогда Промыслом Божиим, в назидание многим, храмом становится — человек. И кто же избирается Им для этой немиссии, да еще и в лихое время? Человек могучего здоровья, обладающий к тому же богословским образованием вкупе с энциклопедической начитанностью? Нет, все происходит совсем не так: этим человеком оказывается небольшого росточка женщина, незрячая от рождения, лишенная к тому же в ранней юности способности самостоятельно передвигаться. Без аттестатов и дипломов — но наделенная от Бога такой жертвенной любовью к людям, к ближним, ко всем нам! Да-да, Матронушка наша дорогая, святая молитвенница и скоропослушница, заступница наша пред Спасителем и Его Пречистой Матерью за всех, прибегающих к ее защите и предстательству, блаженная Московская старица! Как же дивно сбылись на ней, родимой, вещие слова Апостола, услышанные им от Самого Господа: «...ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор.12, 9).

Стать русскими... Это, наверное, еще и поменьше жаловаться: на власти, на погоду, на ближних, да мало ли на что! В том числе и на судьбу, памятуя о том, что судьба значит — Суд Божий, который мы сами для себя по мере своей жизни готовим: словами, мыслями, поступками. И если не хватает еще сил полюбить ближнего своего за то, что он русский, то пусть хватит сил на то, чтобы пожалеть его за то, что он русский.

Куда ни приди — только и слышишь: нас, православных, зажимают. Можно подумать, что все мы только-только на свет Божий народились. А где и когда, в какие такие времена нас носили на руках, когда быть православным было легко?! Если не считать довольно непродолжительных — по вселенским меркам — периодов отечественной истории, да еще истории Византийской Империи.

К примеру, весьма распространенная жалоба — на запрет преподавания в общеобразовательной школе Закона Божия. Так и хочется ответить: ну и слава Богу! Неужто

забыли, что целая плеяда отечественных революционеров вышла из священнических семей, из учащихся духовных семинарий, причем, как правило, всенепременных отличников по означенному предмету. Так и у вождя мирового пролетариата по Закону Божию в аттестате зрелости значится оценка «отлично». Что не помешало ему спустя несколько десятилетий учинить в России такую кровавую Голгофу, какой свет не видывал. Это ему принадлежат по сей день леденящие душу строки: *«Чем большее число представителей... реакционного духовенства удастся нам... расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать»*.

Троические векторы академика Раушенбаха

Каждому из нас на своем месте нужно изыскивать возможности служения России и ее святыням, среди которых — и русский язык.

Елена Галимова, профессор ПГУ, г. Архангельск

Да и как подумаешь, что преподавание детям Закона Божия, это живое трепетное дело, попадет в руки наших ставших притчей во языцех чиновников — оторопь берет. Предлагаю посмотреть на эту проблему по-иному: а что, собственно, мешает учителю, считающему себя православным человеком (вне зависимости от преподаваемой им дисциплины), превратить каждый свой урок в урок Закона Божия, то есть в проповедь Христа? И разве не к ним, в первую голову, обращены слова святого апостола Павла: «*Горе мне, если не благовестую!*» (1 Кор. 9, 16). Предвижу возражения: ну, с литературой и историей, скажем, более или менее понятно, там это проще, а как быть с той же математикой или уроком труда?

Нередко приходилось отвечать на подобные вопросы в различных аудиториях, отвечу и сейчас. Но вначале поясню концептуальный подход к рассматриваемой проблеме, который видится в следующем: задача учителя в этой ситуации заключается вовсе не в передаче своим подопечным некоей суммы конкретных знаний в области богословия. Для этого, помимо формального разрешения, необходимо еще и специальное образование. Именно на этом поприще, как нигде, чрезвычайно актуален принцип — не навреди. Куда важнее заронить *интерес* к вере, к личности Христа. То, что в православном лексиконе именуется *ревностью* о Боге. Если появится ревность, возникнет и интерес. А интерес, как известно, рождает тягу к знаниям. Поверьте, найдут дорожки к вере сами, потому как, по слову Спасителя, *начнут искать* (Лк. 11,9). Только бы сверкнула та первая искорка, только бы затронуло детское сердечко наше слово: свежее, доброе, неравнодушное. Но прежде это должно случиться с самим преподавателем.

Что касается словесности и истории, то здесь не только не проще, а как раз наоборот. Потому как именно здесь потребуются серьезнейшая работа — настолько все оболгано и искажено. А ведь эти дисциплины и в самом деле напрямую связаны с духовным возрастанием личности.

По всем предметам можно найти материал, который заинтересует детей и приблизит их к Богу. Почему бы, например, учителю математики не поведать своим чадам о великом русском ученом Иване Панине, умершем в 1942 году в эмиграции, о его своеобразном научном подвиге, не имеющем аналога? Подвергнув Священное Писание математическому анализу, он пришел к поразительным результатам. Как оказалось, в библейских текстах заложены математические закономерности, доказывающие, что самостоятельно человек не мог их создать. Не следует забывать, что Библию творили, с перерывом в 400 лет между Ветхим и Новым Заветом, 1600 лет! Так вот, согласно этим числовым закономерностям, в ней невозможно не то что переставить слово, но даже изъять или добавить букву. Результатом беспрецедентного труда ученого стал неизбежный вывод о том, что эти закономерности мог спланировать только бесконечно могущественный и мудрый Объект, именуемый в Церкви Богом.

А академик Борис Раушенбах, который известен ныне не только как великий ученый, разработавший теорию космических траекторий, лежащую в основе всех расчетов при запусках спутников, но и как неповторимый богослов. Рассуждая о тайне Пресвятой Троицы,

он апеллирует к понятию трехмерного вектора: его проекции на оси координат имеют независимое существование, но оно берет свое начало в едином пространственном векторе.

И почему бы учителю физики не привести слова высочайшего авторитета в этой науке, создателя теории относительности и лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна: «Я верю в Бога как в Личность и по совести могу сказать, что ни одной минуты моей жизни я не был атеистом». На вопрос же об историчности существования Христа великий ученый, как известно, ответил: «Бесспорно! Нельзя читать Евангелие, не чувствуя действительного присутствия Иисуса. Его Личность пульсирует в каждом слове... Правда, я иудей, но лучезарный опыт Иисуса Назорея произвел на меня потрясающее впечатление. Никто так не выразался, как Он. Действительно, есть только одно место на земле, где мы не видим тени, и эта Личность — Иисус Христос. В Нем Бог открылся нам в самом ясном и понятном образе. Его я почитаю».

К слову, много интересного можно почерпнуть в замечательной книге «Непознанный мир веры», подготовленной и изданной Сретенским монастырем в Москве. Так, на уроках биологии можно было бы привести проникновенные слова замечательного микробиолога и химика Луи Пастера, свидетельствующие о его удивительном понимании веры: «Я мыслил и изучал. Потому и стал верующим, подобно бретонскому крестьянину. А если бы я еще более размышлял и занимался науками, то сделался бы таким верующим, как бретонская крестьянка».

Горячо любимый автором святитель Лука (Войно-Ясенецкий), выдающийся богослов и профессор, хирург с мировым именем, лауреат Сталинской премии, архиепископ Симферопольский и Крымский в знаменитом трактате «Наука и религия» приводит любопытное исследование профессора Деннерта. Ученый пересмотрел взгляды 262 известных естествоиспытателей, включая великих ученых этой категории, и пришел к выводу, что лишь 2 % из них были люди нерелигиозные, 6% — равнодушные к вере и 92%(!) — горячо верующие. А что мешает учителю химии передать своим питомцам слова знаменитого Бойля: «Сопоставленные с Библией все человеческие книги, даже самые лучшие, являются, только планетами, заимствующими весь свой свет и сияние от солнца».

Между тем среди верующих христиан святитель Лука называет великих Фарадея, Ома, Кулона, Ампера, Вольты, Паскаля, «имена которых увековечены в физике как нарицательные для обозначения известных физических понятий».

Почему бы на уроках астрономии, рассказывая о великом Галилее, не поведать и о том, как он некогда начертил своей рукою: «Священное Писание не может ни в коем случае ни говорить зла, ни ошибаться — изречения его абсолютно и непреложно истинны». Не забыв упомянуть, что и знаменитый Кеплер некогда заключил свой труд по астрономии молитвой, в которой возблагодарил Бога, открывшего ему величие природы.

И если так уж невозможно обойти дарвинскую трактовку теории эволюции, то уместно привести такие его откровения, как: «Я никогда не был атеистом в смысле отрицания Творца»; или же: «В первую клетку жизнь должна была быть вдохнута Творцом». Святитель Лука в вышеупомянутом трактате приводит немало интересных фактов, которых просто не принято ожидать от многих ученых. О том же Дарвине он пишет, что, когда естествоиспытатель Уолес посетил ученого, ему пришлось ждать приема, так как сын хозяина сказал: «Теперь мой папа молится». Как же это не соответствует привычным представлениям, изложенным во множестве школьных учебников, в которых отец теории эволюции представляется чуть не большевиком с солидным партийным стажем — ну разве

что не участвовал в штурме Зимнего дворца в октябре семнадцатого. Между тем до конца своих дней великий ученый оставался в числе членов и пожертвователей христианской миссии на Огненной земле. Такие вот «альтернативные» биология, физика, химия, астрономия, математика и история...

А разве не интересен тот факт, что в последние годы своей жизни Гоголь, как явствует из «Выбранных мест переписки с друзьями», задумал написать книгу для юношества по географии России. Замысел ее, по слову писателя, таков: *«Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть губернеров-иностранцев... В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится...»* Для писателя чрезвычайно важно — *«...чтоб слышна была связь человека с той почвой, на которой он родился»*. Вот вам и география!

Что же касается упомянутого в начале главы урока по труду, ныне именуемого технологией, можно предложить ребятам воссоздать в миниатюре быт жителя одной из окраин Римской империи начала первого тысячелетия от Рождества Христова (которое по привычке мы продолжаем стыдливо именовать нашей эрой): сделать мебель, домашнюю утварь, ткани, одежду, сам дом, сад. Поверьте, это интересно даже взрослым — да за таким учителем труда дети ходили бы по пятам! На записку же, полученную мною некогда от учителя физкультуры (*«Закон Божий на уроке технологии понятен, на уроке математики, физики, ботаники тоже понятен, но никакого намека на урок физической культуры?!»*), могу ответить, лишь сославшись на слова святого апостола Павла: *«Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божий»* (1 Кор. 6,19-20).

Не зря поучают Святые Отцы: верующему в Бога все содействует ко благу. Каждый — без исключения — урок может и должен стать благовестием о Христе, отблеском Закона Божия. И если по сию пору такие элементы в нашей школьной педагогике все еще величайшая редкость, то причина, как мне кажется, в нашей традиционной инертности — все ждем указаний «оттуда». И еще, возможно, в отсутствии определенной степени мужества в исповедании своей веры, без чего истинного христианина просто не может быть.

Как важно бывает откровенно признаться себе самому, заслуженному и умудренному годами и опытом, вторя Сократу: а ведь и в самом деле — ничего не знаю. А вслед за этим немало потрудиться: все пересмотреть, перекроить, сломать — в первую голову, в себе самом. Ей Богу, давно пора перестать жаловаться на всех и вся: на власти, на начальство, на ближних и дальних. Призыв Господа Иисуса Христа, обращенный ко всем нам сквозь тысячелетия: *«Жатвы много, а делателей мало»* (Мф. 9, 37), — актуален и ныне, как был актуален во все времена.

А еще вослед святому Апостолу будем постепенно научиться совершенно невероятному — всегда радоваться (1 Фес. 5, 16)! Как это замечательно сказано у Гоголя, помните? В пророческих словах из «Выбранных мест» спасение души так естественно произрастает из любви к Отчизне: *«Поблагодарите Бога прежде всего за то, что Вы русский. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви ведет сам*

Бог... Но не полюбивши Россию, не полюбить нам братьев своих, а не полюбивши братьев своих, не возгореться нам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись Вам».

Мост к Христову всечеловечеству

Гоголю вторит преподобный Иустин Попович в своем замечательном труде «Достоевский о Европе и славянстве»:

«Национализм, освященный и просвещенный Богочеловеком Христом, становится евангельским мостом ко Христову всечеловечеству. Только освященное и просвещенное Христом, славянство обретает свое непреходящее значение в мировой истории и через всеславянство ведет к всечеловечеству. Все, что является православным, стремится к одной цели: к братскому объединению всех людей посредством евангельской любви и жертвенного служения всем людям».

Стать русскими... Это, наверное, еще осознание нами, сегодняшними, величия и мудрости государственного устройства той России, которую мы утратили. Взять, к примеру, тот же национальный вопрос: главным, определяющим считалось *вероисповедание* отдельно взятого гражданина империи. Еще менее ста лет тому назад народы, населяющие необозримые просторы Российской Империи, различались как православные, мусульмане и иудеи, а не как русские, башкиры или евреи. И это совершенно справедливо, чего не скажешь о нашем времени.

Отчетливо это проиллюстрировала досадная ситуация, возникшая лично у меня во время последней переписи населения. Ранним утром к нам в квартиру пожаловали два *счетчика* (две милые смущенные девушки), которые предложили нам с женой заполнить анкеты. Изучив их, я, увы, не обнаружил графы «вероисповедание», чем и поделился с гостями, предложив дописать недостающую графу от руки. В ответ услышал, что анкета в таком виде будет считаться недействительной. Жаль. Надоело постоянное манипулирование средств массовой информации с численностью православных верующих в нынешней России, доходящее нередко до абсурда. А ведь, казалось бы, чего проще: внеси соответствующую графу в анкету переписи — и будет положен конец спекуляциям. Да одно это придало бы мероприятию общегосударственного масштаба высокий смысл.

Спрашивается, зачем оно тогда вообще понадобилось, вобравшее в себя столько людских и финансовых ресурсов, а на деле обернувшееся актом малодушия властей?! А ведь нам пытались внушить важность переписи, говоря, что полученные в ее результате данные помогут, дескать, улучшить жизнь граждан нашей страны. В качестве конкретного примера звучали, в частности, обещания оптимизировать на основе полученной информации график работы городского транспорта. Между тем как толпился народ на транспортных стоянках, так толпится и поныне...

И еще. Думаю, лично меня, судя по формальным анкетным данным, устроители переписи, равно как и иных подобных мероприятий, наверняка отнесут к представителям того вероисповедания, которое им покажется наиболее логичным. Но ведь это не так. Таких, как я, вовсе не единицы. Нас много.

Когда поведал об этой истории в одной аудитории, получил из зала любопытную записку: *«В Казахстане во время переписи включили графу "вероисповедание"; оказалось, что православных на несколько процентов больше. После этого соответствующей графы в российской переписи уже не было».* Не знаю, так ли оно было на самом деле, только, рассуждая об этом сегодня, невольно вспоминаешь трагические события отечественной истории семидесятилетней давности. В переписи населения СССР, которая состоялась в

печально памятном 1937 году, графа «вероисповедание» все же была (!). Но именно она повергла безбожные власти, с помпой отмечающие двадцатый юбилей учиненного ими государственного переворота, в состояние шока. Невероятно, но среди опрошенных половина горожан и две трети сельских жителей мужественно отнесли себя к Православию. Реакция властей последовала незамедлительно: все руководители переписи были немедленно расстреляны.

Споры о русском феномене возникли не сейчас и не с нами, похоже, отомрут. Со временем острота проблемы нисколько не притупилась, сегодня она актуальна как никогда. А потому в заголовок этой главы были вынесены автором слова Ф.М. Достоевского из «Дневника писателя». Его страстным призывом к своему народу, а по сути лаконичной емкой программой, хотелось бы ее и завершить: *«...Если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными».*

8. Евангелие для русского

Некогда Святые Отцы окрестили пятым Евангелием сотворенный Господом мир. Даже не будучи знакомыми с каноническими текстами Библии, рассуждали они, более того, не обладая элементарной грамотностью, можно тем не менее уверовать в Бога и в грядущее Воскресение, лишь... внимательно и любовно наблюдая окружающее нас: звездный небосвод над головой, солнце и луну, землю, по которой ходим и из которой произрастают колосья будущего хлеба, удивительные плоды и цветы, моря и реки, животных, птиц и рыб, населяющих эти стихии, причудливую смену времен года, дня и ночи, света и тьмы...

Именно таковым и был путь к вере в истинного Бога необычайно красивой и столь же скромной девушки Варвары, родившейся в IV веке по Р. Х. в Финикии в богатой и именитой языческой семье, — будущей святой великомученицы. В житии ее так и сказано: *«Желая постичь истину, она часто, и днем, и ночью, взирала на небо и была объята сильным желанием узнать, кто сотворил такую прекрасную высоту, ширь и светлость неба, внезапно в сердце ее воссиял свет Божественной благодати и открыл умственные очи ее к познанию неведомого для нее Единого Невидимого и Непостижимого Бога, премудро создавшего небо и землю... Так отроковица Варвара училась по творению распознавать Творца; и сбылись на ней слова Давида: "размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих" (Пс. 142, 5)».*

Я же, многогрешный, дерзаю называть русский язык еще одним заветным Евангелием для русского человека. Ибо исконные слова его свидетельствуют нам — *«Кто имеет уши слышать, да слышит!»* (Мф. 11, 15) — о Господе Нашем Иисусе Христе, о том сокровенном, что является сердцевиной Его божественного учения. С этого начинались наши рассуждения, этому были посвящены страницы повествования, им же будем его понемногу завершать.

Радость страдания

Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования.

Владимир Короленко

Так, слова *радость* и *страдание*, как выясняется, являются однокорневыми, где буква «Т» есть подобие Креста. И в этом, только вдумайтесь, заложен величайший смысл.

Чтобы мы с вами имели в сердце своем самую великую радость, радость воскресения распятого Христа и нашего чаемого, по Его несказанному милосердию, будущего воскресения (а как же иначе, тогда и впрямь, по слову Апостола, *«тщета и вера ваша»* — 1 Кор. 15,14), — для этого Господь должен был пострадать на Кресте. Какое же утешение несут эти слова всем нам: тебе сегодня радостно — это очень хорошо, но не забывай — Чьим страданием куплена твоя радость. Тебе сейчас трудно, ты страдаешь? Потерпи, родной, потерпи, как терпел Он — и тогда страдание твое обернется радостью. И все это: и страдание, и радость — соткано воедино вокруг Креста, немислимо без несения Креста.

А потому закономерно, что слово *счастье* почти не встречается в церковном обиходе: слышится в нем что-то сиюминутное, скоротечное — то, что *сейчас есть*. Хотя если заглянем в «Словарь» Даля, то обнаружим версии: *со-частье* — *доля, пай, а также случайность, желанная неожиданность, удача; а еще: благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доволит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его.*

Мы же припомним, сколько любимых нами икон содержат в себе емкое слово *радость*: «Нечаянная радость», «Трех радостей», «Всех скорбящих радость»... «*Радуйся, Радосте наша!..*» — поем мы в умилении Богородице нашей. *Радостью* буквально преизобилуют Священное Писание, церковные службы, акафисты святым. В той или иной форме понятие это встречается на его страницах около восьми сотен раз, в то время как *счастье* — всего лишь 12. Вот и Господь, беседуя с учениками, предваряет заповедь о любви словами: «*Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна*» (Ин. 15,11). Придет черед — и святой апостол Иоанн Богослов вторит словам Божественного Учителя: «*И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна*» (1 Ин. 1, 4). «*Се бо явился Христом радость всему миру!*» — слышим мы в Пасхальном песнопении. Именно *радость*, а не *счастье*.

Радостью-радугой окрасилась лазурная небесная *твердь* за много тысячелетий до Рождества Христа, знаменуя собою великое прощение рода человеческого, дарованного Ною и его потомству как обетование того, что не будет больше губительного потопа. И это была истинная *победа* — то, что приходит *по беде*, по ее окончании.

Между тем с понятием *твердь* тоже все непросто. Помню, как ребенком, впервые услышав его, воспринял это слово как обозначение чего-то твердого, очень прочного. Ведь это так очевидно, оно само за себя говорит, только вслушайтесь! Но и много лет спустя, впервые взяв в руки Библию и наткнувшись буквально в первой же главе на фразу: «*И назвал Бог твердь небом*» (Быт. 1, 8), не мог отделаться от чувства какой-то неправильности. С детства я хорошо знал, что называется небом: не раз запускал в него воздушных змеев, отчаянно прыгал в него с крыши, раскрыв над головой старый зонт, позже не раз летал по

нему на самолете — и мог свидетельствовать, что ничего твердого в нем нет. Одна пустота да облака. Словом — зыбь. А тут — твердь! И только в Церкви, да и то не сразу, пришло, наконец-то, понимание того, что зыбко-то как раз здесь, на земле, которая кажется такой твердой и надежной, но которая на самом деле весьма условна, потому как преходяща.

Не случайно Господь Сам сказал, что «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 24,35). А твердь, то самое Небо, — вечно. Как вечно Царствие, названное Его именем, куда Господь вознесся на глазах своих изумленных учеников, обещая вернуться. И ничего прочнее, ничего тверже Неба — нет, да и быть не может. И каждый из нас чаёт обрести надежную почву не на этой, преходящей, а на той, незыблемой, Тверди. Иначе — *смерть*. То, что *смердит*.

Вспоминаю, как, посетив в свое время Давидову Пустынь, когда она находилась еще в начальной стадии возрождения, был изумлен не только огромным количеством ярких бабочек, облепивших стены монастыря в еще холодный мартовский день, но и рассказом молодого монаха об обретении святых мощей. Стоя посреди храма на зыбких досках, припорошенных цементной пылью, он поведал нам, паломникам, о том, что отыскать святые останки помогло... благоухание, доносившееся сквозь толщу земной породы. И в тот момент, вопреки привычным запахам большого ремонта, оно различимо ощущалось в восстанавливаемой церкви, больше напоминавшей тогда строительную площадку, как веское свидетельство по-Божески прожитой жизни и отсутствия смерти по ее окончании — *успени*.

Только в таком случае при долгожданной и таинственной встрече лицом к Лику не приходится испытывать *стыд* — или *студ*, то есть *холод*. Не потому ли грубое слово *мразь*, обозначающее крайнюю степень нравственного падения человека, есть не что иное, как *мороз*, все тот же *холод*.

Вот и получается, что *стыд*, *смерд*, *мразь* — это все об *аде*, о том жутком месте вдали от Бога, которое уготовано для тех несчастных, что так и не сумели преодолеть собственного *окаянства* — полного отсутствия *покаяния*, того самого иудина греха. А там где Бог — не может быть ни зловония, ни холода, ни мрака. Ведь по слову апостола Иоанна: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге» (1 Ин. 4,16).

«Честь имею!» «О чем это вы?»

А вот извечного врага рода человеческого — *ворога* — русское сознание идентифицирует с расхитителем чужого имущества — *вором*. Помню, был немало удивлен, прочитав о том, что в монастырях могли простить инока, согрешившего грехом блуда, но никогда — вора. Объяснение на удивление просто и убедительно: блудник в конечном счете наносит урон себе, своей бессмертной душе и телу, которое есть храм этой души; вор же сеет рознь, все начинают подозревать друг друга. В результате возникшего разделения оскудевает любовь. Как в пословице: у кого украли — тому грешней. Воистину: Господь соединяет, а враг разделяет.

Так стали наконец-то в полной мере понятны слова храброго вояки, поручика Ивана Игнатъича из «Капитанской дочки», который перед лицом неминуемой гибели повторил слова своего благородного командира, бросив в лицо Емельяну Пугачеву: «*Ты нам не государь... Ты, дядюшка, вор и самозванец*». И вправду, так было во все времена: революции замышляли и осуществляли воры и самозванцы, похищающие у одурманенных ими людей самое драгоценное — Царствие Небесное. Вор — это и есть ворог, тот самый враг, что не дремлет. Никогда!

Закономерно также, что эпиграфом к этой повести автором поставлена русская поговорка: «*Береги честь смолоду!*» Честь имею, честное слово, честный человек, честной народ, всечестные отцы — как привыкли мы к этим сочетаниям слов, какими естественными, привычными кажутся они нам. А между тем смыслом, заложенным в них, может похвастать далеко не всякий язык. Нет, и в других языках, безусловно, присутствует понятие о чести как о благородных свойствах души и высоком уровне нравственности. Но чаще под честью подразумевается некий набор дворянских, рыцарских, самурайских, джигитских и прочих подобных качеств, когда чуть что — хватаешься за пистолет, шпагу, меч или кинжал. Как говорится, чести дворянин не покинет, хоть головушка погибнет. Мы же ведем речь о несколько ином — о чести как понятии духовном.

«Честнейшая Херувим»

Русский язык явился в полном смысле языком-мостом, сакральным удерживающим началом, языком собирания и взаимного культурного обогащения.

Валерий Ганичев, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора

Самое первое знакомство со словом *честь* происходит в раннем детстве, когда малышу внушают, что если нашел чужую вещь или деньги, то надо непременно вернуть хозяину, иначе это будет *нечестно* (это не подвергается сомнению ни в одной культуре). Но как тогда прикажете понимать обращенное к Богородице: «*Честнейшая Херувим*»?! Помню откровение одного нецерковного человека, которого это выражение смутило по той очевидной причине, что он прибегнул к формальной логике: как это понимать — что Херувимы менее честны?! Между тем значение слова *Честнейшая* — это превосходящая святостью даже Херувимов. Ибо *честность*, в самом высоком своем градусе звучания, означает именно *святость*. «*Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает*». Во многих языках этого смысла знакомого слова нет вообще!

Курьезный случай произошел около двух десятилетий назад в одной восточной бывшей союзной республике. Ночной сторож детского сада, малограмотная женщина коренной национальности, упрекнула главного бухгалтера, русскую, в том, что ей недоплатили. Та, в свою очередь, попыталась объяснить, что ей выплатили ровно столько, сколько она заработала. Требовать же больше — *нечестно*. Той перевели, как смогли, — и она устроила скандал. Много дней ходила кругами и, бия себя в грудь, убеждала окружающих в том, что она *честная* — потому как... восемнадцать лет живет без мужа. Вот и получается, что понятие чести, честности — многоступенчато, если так можно выразиться. И в русском языке запечатлено общенациональное, не подвергаемое сомнению понимание правильно прожитой жизни как снискания святости, то есть честности.

Исконный смысл есть и в слове *богатый*. Воистину *богатым* народ может стать лишь тогда, когда происходит обожение человека путем стяжания Духа Свята. Потому и возникло в свое время известное выражение *быть не в духе* как обозначение ненормального, неправильного для православного человека состояния; ибо нормально — когда *в Духе*.

Как же созвучно это словам Спасителя из Нагорной проповеди: «*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше*» (Мф. 6, 19-21).

Такому человеку — и впрямь ничего не страшно, ведь он воистину — *богатырь*, то есть *богатый*, имеющий Бога. Как сказано об этом в известном изречении Апостола: «*Если Бог за нас, кто против нас?*» (Рим. 8, 31).

Хлеб и жизнь — едины и святы

Прочитывая как-то толкование на Евангелие своего любимого блаженного Феофилакта Болгарского, помню, был поражен тем, что *Вифлеем* в переводе с древнееврейского означает *Дом Хлеба*. Вспомним, ведь Спаситель называл Себя «хлебом, сшедшим с небес» (Мф. 6,41). Оказывается, в тексте Священного Писания нет ни одной «не говорящей» детали: любая мелочь, любой штрих исполнены глубочайшего смысла, открывающегося «имеющим глаза видеть». Каждый шаг Спасителя, каждый жест, время суток, название города или местности, число рыб и хлебов, которыми Он накормил алчущих — все-все раскрывает перед изумленным читателем совершенно иные, неведомые прежде глубины Божественного Откровения. Вот и я, прочитав это место у святого толкователя божественного текста, возрадовался еще и потому, что вспомнил, как Господь называл Себя не просто хлебом (который и должен был явиться, конечно же, из Дома Хлеба!), но и *хлебом жизни* (Ин. 6, 48).

Поразительно, как язык наш запечатлел это откровение! Вспомним, слова *хлеб и жизнь*, звучащие в исконно русском как *жито* и *живот*, — однокорневые! Вот и к жизни вечной мы, православные христиане, приобщаемся, находясь еще здесь, на земле, в величайшем Таинстве Евхаристии, вкушая под видом Хлеба Пречистое Тело Христа. Как и в Евангелии, так и в языке нашем извечно едины и святы — *Хлеб и Жизнь*.

Как-то на одной из встреч преподаватели иностранных языков с радостным удивлением поведали мне о том, что многие наши церковные выражения очень трудно, а то и вовсе невозможно адекватно перевести на иные языки. Например, в английском языке *Благая весть* переводится как *the good news* (буквально: *хорошие новости*), *благовест* — как *ringing of one church bell* (буквально: *звон одного церковного колокола*), *покровительница* в буквальном переводе с английского означает *patroness* (*патронесса*). Еще более чудовищно переводится на английский язык наше слово *Преображение* — *Transfiguration* (*трансфигурация*). Нет ничего близкого в английском языке и к названию *Радоница*. Этот праздник ликующего пасхального поминовения усопших на английский приходится переводить описательно: как *девятый день после Пасхи*, или: *поминовение усопших во вторник после Фомина воскресенья*.

Одно из поразительных свойств русского языка состоит в том, что порой даже самое незначительное слово, да что там слово — так, словцо, способно при любовном его рассмотрении засиять гранями невыразимой красоты, свидетельствуя о Творце. Взять, к примеру, слово *пол*. Как часто, заполняя разного рода анкеты и доходя до этой обязательной графы, не преминем шутливо парировать: *пиши, мол, паркетный*. При этом не осознаем, как высок подлинный смысл этого кратенького словца, которое возводит нас к самому Священному Писанию, к истории сотворения человека.

Вслушаемся: «*И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их*» (Быт. 1, 27). Язык наш запечатлел великую тайну творения, когда человек — это мужчина и женщина как единое целое, как две ипостаси нового *чина*, что сотворил Господь вослед девяти ангельским чинам и «*умалил еси малым чем от Ангел*» (Пс. 8, 6). В отличие от тех же малороссийского, английского, азербайджанского и многих иных языков, где понятия *мужчина* и *человек* выражены одним словом, в русском языке слово *пол* означает *половина*. Две половины, мужская и женская, по

замыслу Божию о человеке становятся единым целым.

Сравните: в английском языке понятие *пол* человека обозначено несколько иначе — *sex*. Причем примечательно, что слово это не нуждается в переводе, а также и в комментариях. Недаром кем-то подмечено, что, заглянув в пустую комнату, англоязычный человек произнесет: *nobody*, что буквально переводится как — *нет тела*. В то время как русский скажет: «*ни души*», умудрившись упомянуть бессмертную человеческую душу даже в ситуации, когда речь идет, по сути, о пустоте.

Что же касается слова *пол* в ином понятном всем смысле, то оно происходит от древнего способа строительства, когда брали бревно, распиливали его пополам и укладывали эти *половины* рядом плоскими поверхностями вверх.

Невесты и ведьмы

Возьмем еще одно слово: *поцелуй*. Ну что, казалось бы, в нем особенного? Однако и в нем заложен сокровенный смысл — призыв к *целостности* человека, пусть на одно летучее мгновенье, вопреки миру, который извечно разделяет людей. Потому и святой апостол Петр призывает нас: «*Приветствуйте друг друга лобзанием любви*» (1 Пет. 5, 14)..И как же разительно это отличается от постыдного зрелища «долгоиграющих» поцелуев в засос, которые с некоторых пор стали непременным атрибутом многих наших свадеб. Когда гости громко ведут счет, становится неловко от мысли — чему ведется этот счет? Может быть, уровню публичного бесстыдства новобрачных? А они ведь только-только приступают к созиданию собственной семьи, которую вера наша издревле именует малой Церковью.

То же понятие *целостности*, как извечное стремление к целостности всего человека, содержится и в коротеньком слове *цель*. Так же, как и *исцеление* — все то же заветное желание о восстановлении человеком утраченного единства брэнной плоти и бессмертного духа.

Замечательный смысл заложен и в слове *невеста*. Каждый раз, задавая в различных аудиториях вопрос о его значении, порой слышишь версии одна «лучше» другой: это и «*не ведает что творит*», я «*неведомо откуда пришла*». А ведь значение слова *невеста* — *неведение греха, непорочность*, что означает как духовную, так и телесную чистоту. Тех же, кто сподобился этого страшного *ведения*, на Руси называют *ведьмами*.

Богородица же Наша пребывает присно Невестой Невестной — как символ Превысшей Небесной Чистоты.

Жить «страстями бесстрастными»

Весьма показательно и слово *искусство*, как обозначение той сферы человеческой деятельности, которая наиболее приближена к его душе. Не могу согласиться с теми, кто склонен видеть в основе этого понятия одно лишь *искушение*. Как же тогда быть с божественными искусствами — слова, иконописи, пения, музыки? Скорее, понятие *искуса* — это лишь некий предупреждающий знак для тех, кто вовлечен в сферу искусства. Слишком много встречается здесь лести и похвал, поклонения кумирам. И если Церковь на протяжении веков призывает своих чад жить «страстями бесстрастными», то в земном мире, о котором автор этих строк, поверьте, знает не понаслышке, наличие страстей является нередко чуть ли не главнейшим мерилем таланта.

Отнюдь не случайно в театральной среде бытует невеселая шутка о том, что актер — это человек, которому становится скучно всякий раз, когда в его присутствии говорят не о нем. Вообще сама идея перевоплощения в другую личность, выставление напоказ самых интимных, самых сокрытых движений бессмертной человеческой души — для этой самой души весьма не безобидны. И если нынешнее иноязычное слово *шоу* никак не резонирует с русской душой, то старинное русское название театрального зрелища — *позор* — заставляет о многом задуматься.

Таким образом, само слово *искусство* призвано напоминать творческим людям о том, что они, как никто иной, находятся в непосредственной близости от искушения и, следовательно, им надлежит пребывать в особой духовной резвости. Не у всех получается избежать падений, но таким прославленным отечественным деятелям искусства, как Сергей Бондарчук, Иван Лапиков, Василий Шукшин, Олег Жаков, Анатолий Солоницын, создавшим незабываемые образы русских людей, похоже, это удалось.

Высокий смысл привычных слов

Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют «третьей варваризацией» (первая была в Петровскую эпоху, вторая — после революции 1917 года). Точнее, следовало бы говорить о тотальной жаргонизации, ибо именно жаргон правит сегодня свой мерзкий бал в речи большинства представителей всех слоев общества.

Елена Галимова, профессор ИГУ, г. Архангельск

С понятием *искусства* тесно связано и понятие *вдохновения*. Слово это есть прямое свидетельство, указывающее на главного участника творческого процесса, — Того, Кто даровал талант, Кто вдохнул в художника мысли, чувства, переживания, в конечном счете вдохнул жизнь в его творение: будь то икона, стихотворная строка или красивая мелодия. Как же созвучно это процессу сотворения Богом самого человека: «Я создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Неживое: звук, буква, глина — не может одушевиться без участия Бога, без Духа Свята. А потому о лучших творениях сынов человеческих во все времена говорили и будут говорить, что рукой художника водил Сам Бог.

Аналогичные выводы можно сделать относительно слова *призвание*, которое тоже довольно часто употребляется в среде людей, занимающихся художественным творчеством.

Как же удивителен и совершенно ясно различим его исконный смысл: *призывание*. Кем и к чему ты призван, человек? Как важно различить и не перепутать в многоголосице зов Того Единственного, о чем так мудро сказано устами святых: «*Не пытайтесь делать все — делайте только то, к чему вас призывает Бог*».

Однако творческому человеку необходимо помнить, что мир преизобилует нечистыми духами, что не все ангелы светлы и добропобедны. Отсюда и творения, выдаваемые за искусство, которые способны лишь унижить образ Божий в человеке. Не секрет, что наиболее искушаемыми и склонными искушать других становятся те деятели искусств, кто и впрямь поверил, что, занимаясь *творчеством*, всерьез способен конкурировать с Самим Творцом. С этого момента проблема из нравственно-философской области плавно перетекает в медицинскую, чему мы с вами «*тму примеров сыщем*».

Остается добавить, что понятие *искусства* в таком высоком смысле, как в русском языке, не встретить в иных языках. Скажем, если перевести это слово с азербайджанского, то оно будет звучать только в значении *хрупкое, нежное ремесло, профессия*.

Главной же целью всякого искусства, без которого нам не обойтись, главным его оправданием должно быть, наверное, все же стремление угадать и раскрыть человеку замысел Божий о нем самом. Истинное искусство по-особому освящает нашу жизнь подобно тому, как Церковь освящает обычную воду, превращая ее в святыню.

Брателлы из общаги

Своеобразным мериллом нарастающей апостасии нашего мира и секуляризации общественного сознания является не только искажение, но нередко и опошление подлинного смысла слов, вошедших в наш лексикон из церковной жизни, некогда неотделимой от каждодневного бытования русского человека. Кто-то, быть может, впервые узнает о том, что слово *общежитие* пришло к нам из монашеской среды, почему и уставы монастырей называются общежительными. И как же разительно это не похоже на печально знакомые многим из нас разнузданные *общаги*.

То же произошло и со словом *сожитель* (*сожительница*), которое ныне отдает не вполне чистым духом — вкралось в них что-то темное, нечистоплотное. А вот у Пушкина в «Капитанской дочке» встречаем это слово в его исконном смысле: «*Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу*». Причем хозяин — это священник Герасим, а *сожительница* — попадья Акулина Памфиловна. Понятно, что язык живет, что множество слов приобретают новые значения, но почему обязательно — с понижением смысла?

Так, слово *брат*, перейдя из церковной лексики в жаргон, выродилось в такие пошлейшие слова, как *братва* и *брателло*. И не только форма древнего слова изменилась — уродливой стала сама интонация. Правило, гласящее о том, что важно не столько *что*, а *как* — незыблемо во все времена. А ведь именно словом *братия* чаще всего взывает к нам Господь в Своей Церкви со страниц Священного Писания.

Не случайно поэтому Сталин, глава советского государства, с начала своего существования отделившего себя от Церкви и разрушающего ее, в один из самых трагических моментов отечественной истории, выступая в связи с общенациональным бедствием — началом Великой Отечественной войны, обратился к своему народу традиционным церковным: *братья и сестры*.

Читая письма святителя Феофана Затворника к своим духовным чадам, не мог не обратить внимания на то, что он нередко ставил в конце их подпись: *доброхот*. И какой же язвительно-ироничный смысл приобрело это слов за истекшее время, с какой недоброй интонацией произносится оно ныне.

То же случилось со словом *соревнование*, некогда воспринимаемым не как состязание и соперничество за первенство, а как совокупность духовных усилий, *ревность* ко Христу, стремление к святости.

Еще слово *правитель* — как разительно отличается оно коренным своим смыслом от всевозможных лидеров, генеральных секретарей, президентов и премьер-министров. Только вслушаемся, правитель — это ведь тот, кто призван вести вверенный ему Богом народ по *правому*, сиречь спасительному пути, дабы восстал он, когда прейдут времена и наступят сроки, справа — *одесную* Престола Божия. И как же печально сознавать, что в каждом новом *руководителе* бесконечно терпеливый народ наш все чаёт узреть истинного *правителя*, тогда как унылой вереницей все тянутся и тянутся суть одни *кривители*.

А им бы заглянуть — хотя б разок — в Канон Ангелу Хранителю и замереть, прочитав молитвенное обращение к нему: «*руководителю мой*».

Слово *событие* — оно означает ныне *происшествие*, значимостью своею или масштабом отличающееся от повседневности, возможно, не имеющее никакого отношения к самому человеку. А ведь в глубине изначального своего смысла оно и есть именно причастность,

непосредственное отношение его самого (*со-бытие*) к чему-либо, что и сделало это происшествие знаковым. И если так, то и каждый день — в идеале — должен непременно стать *событием!*

«Пусть я — убогий!»

Вспоминаю, как в детстве еще слышал от некоторых взрослых нелестную характеристику, которой они частенько награждали людей *непрактичных*, то есть тех, кто так и не смог приспособиться к жестким реалиям жизни: не ловчил, не заискивал, не стяжал, старался быть, а не казаться. О таких неизменно говорили со снисходительной усмешкой, граничащей с жалостью: бедняга, он *не от мира сего*. Вдобавок могли и пальцем покрутить у виска. Да и сегодня такое не редкость, еще и добавляют с оттенком плохо скрываемого превосходства: *убогий!* И как же был я поражен, взяв когда-то в руки Евангелие и прочитав слова Христа, сказанные Им вначале о Себе Самом: «*Я не от сего мира*» (Ин. 8, 23), а позже о Своих учениках: «*Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир*» (Ин. 15, 18-19). Таким образом, то, что в миру звучит как клеймо, пред очами Божиими оказывается высшей добродетелью. Воистину тысячу раз прав Апостол: «*Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом*» (1 Кор. 3, 19).

Что же касается пресловутой *убогости*, то слово это не есть обозначение некоей ущербности, в том числе и физической.

Скорее, наоборот — в нем запечатлен статус тех, кто изначально, от рождения, на особом счету у Самого Господа. Недаром гласит народная поговорка: «*Не бойся богатого грозы, бойся убогого слезы*». Вот и в стихотворении московского поэта Владимира Лесового об этом же говорится:

*Пусть я — убогий,
Но я — у Бога.*

Духовная глухота

Духовная наша глухота началась не сегодня и не вчера. Поразительно, но мы совершенно спокойно произносим фразы типа «избили друг друга», или же «оскорбили друг друга». Но если вдуматься: *друг* избил *друга!* *Друг* оскорбил (нанес скорбь) *друга!* А между тем *друг* (самый близкий) и *другой* (чужой) — слова однокорневые! Непонятное, а потому не объяснимое здравым смыслом и формальной логикой оказывается совершенно правильным с евангельской точки зрения: мы все *другие*, потому как разные, и все *други*, потому как дети Адама и Евы, сотворенных Отцом Небесным.

А слово *ясли*? Да-да, те самые привычные детские ясли, из которых вышли мы с вами и в которые по сей день наскоро одетых полусонных малышкой отводят ранним утром вечно спешащие по делам родители и неторопливые бабушки. Но *детскими* ясли не могут быть по определению! По той простой причине, что ясли — это кормушка для скота. И только одному Младенцу — а случилось это две тысячи лет назад — не нашлось место под кровом человеческого жилища. И Его Пречистой Матери ничего не оставалось, как, запеленав Новорожденного, уложить Его в мягкую солому, позволив домашним животным согреть его своим дыханием.

Поразительно, но почти два тысячелетия спустя в далекой северной стране, где к власти пришли безбожники и немедля принялись разрушать храмы, уничтожать священнослужителей, яростно преследовать верующих людей, в этой самой стране женщины и мужчины, многие из которых, возможно, сами участвовали в разгроме церквей и кощунственных богохульных карнавалах, ежеутренне отводили своих малюток в... детские ясли. Или это русское сердце подсказывало им неслышно, что самое надежное место для их драгоценных чад просто не может называться по-иному, кроме как *кормушка для скота*, где мирно дремала некогда Величайшая Драгоценность мира.

А столь же привычный для всех нас *детский сад* словно вырос из стихотворения А. Плещеева, так замечательно напетого на народный мотив неподражаемой исполнительницей русских духовных песен Евгенией Смольяниновой:

*Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем.
Он трижды в день их поливал,
Чтобы сплести венок потом.*

*Когда же розы расцвели,
Собрал детей еврейских Он.
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.*

*«С чего сплетем Тебе венок?
В Твоем саду не видно роз».
«А вы забыли, что шипы
Остались Мне», — сказал Христос.*

*И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,*

*И капли крови вместо роз
Чело украсили Его...*

Христос непостижимым образом пронизывает всю нашу жизнь — от младенческих яслей до смертного одра, а потому тысячу раз прав Александр Семенович Шишков, утверждая, что *«народ российский всегда крепок был языком и верою: язык делал его единомысленным, вера — единосуцным»*. Что касается загадочной русской души, амплитуда мнений о которой колеблется от высокопарных славословий до откровенного зубоскальства, то, по мнению автора этих строк, разгадка ее проста и сложна одновременно — смотря для кого. Думается, в истинно русской душе живет Христос, не понятый, а потому не принятый многими, а более всего — «просвещенной» Европой. И душа эта загадочна и непонятна им в той же мере, в каковой загадочен и непонятен для них Сам Спаситель, Который и поныне *«для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие»* (1 Кор. 1, 23). В Россию, как и во Христа, и в самом деле, по словам поэта, *«можно только верить»*.

Так и слышу разумное, на первый взгляд, возражение: но ведь язык для русского народа куда более древнее понятие, нежели христианская вера. И что на это возразить? Выходит, и вправду чудо. А впрочем, пытливому читателю предлагаю поразмыслить: очень ли напоминает аскетический по форме и пока лишенный запаха бутон розы — распустившийся цветок, поражающий взгляд каким-то неземным совершенством? Так и первоначальный язык был похож на бутон, в котором промыслительно было заложено то, чему предстояло дивно распуститься. И еще. Давным-давно прочел о том, как археологи обнаружили в одной из египетских пирамид закупоренные в древних сосудах зерна пшеницы. Рискнули высадить их в грунт — и они проросли!

Так и язык русский. Изначально был он дарован людям, населяющим эти необозримые просторы, как те потаенные зерна будущего хлеба. Оставалось лишь ожидать божественных солнца и влаги, которыми и стала Православная вера. И явлена она была этому народу вовсе не тысячу лет назад, а гораздо раньше. Вспомним, еще святой апостол Господень Андрей приходил в эти земли, которые позже назовут Киевской Русью, приходил на Валаам, где водрузил в память об этом событии свой каменный крест и предрек процветание здесь христианской веры. И все это проявилось, проросло удивительными по красоте и силе всходами — живым великорусским языком, в котором всё проповедует нам Самого Христа. Не дадим же вытоптать заветную ниву!

Ответим за каждое слово

Искренне убежден, что в неотвратимом для каждого из нас финале, когда надлежит, помимо всего иного, держать ответ и за каждое слово (при условии, что нас вообще сочтут достойными диалога!), с нами будут говорить на русском языке. Так какого же качества, какой чистоты язык предъявим, на каком русском, вверенном нам для сохранения и умножения, будем ответствовать пред Судией?!

Как важно нам осознать это сейчас, пока еще есть время и возможность хоть что-то исправить. Нам, терпящим одно за другим поражения в стремительно сужающемся геополитическом и духовном пространстве. Нам, стремительно уменьшающимся в своей численности, в том числе и матерям, в ужасающем количестве убивающим собственных нерожденных детей. Нам, задыхающимся от табачного дыма и спиртового перегара, неизменно впадающим в уныние и отчаяние. Нам надлежит, наконец, осознать, что русский язык — один из последних форпостов самости народа — по-прежнему свидетельствует о высокой миссии, возложенной на русскую нацию, так чудно запечатленной в нем самом.

Подтверждение богоизбранности нации находим и в событии вселенского масштаба, происшедшего на берегу реки Свирь, куда в 1485 году, повинувшись божественному гласу, пришел из Валаама для совершения духовного подвига инок Александр. Здесь был *«бор красен зело, место сие было леса и озеро исполнено и красно отвсюду и никтоже там от человек прежде живяще»*, здесь святой провел несколько лет в полном уединении, не вкушая даже хлеба, а питаясь лишь *«зелием zde растушим»*, здесь позже основал он обитель, здесь на двадцать третьем году поселения явился ему Большой Свет — и он услышал исходящее из уст Трех лучезарных Мужей, вошедших к нему в храм, повеление: *«Возлюбленный, якоже видиши в Трех Лицах Глаголющего с тобою, созижди церковь свою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосуцной Троицы... Аз же ти мир Мой оставлю и мир Мой подам ти»*.

И если впервые в истории человечества Троичный Бог явлен был человеческому взору в ветхозаветные времена святому праотцу Аврааму у Мамврийского дуба, то второй раз — на русской земле, русскому святому, русскому человеку (хотя и вепсу по национальности).

В своем знаменитом дневнике святой праведный Иоанн Кронштадтский в 1904 году запишет: *«Что значило это явление новозаветному святому — не будем дерзать отвечать. Только будем стремиться почтить эту землю, тот монастырь, который был воздвигнут на севере русской земли по велению Бога-Троицы и самого "новозаветного Авраама" — преподобного отца нашего и чудотворца Александра»*.

Воистину смирение, как одна из доминирующих черт русского национального характера, нередко именуемая в миру скромностью, — тема для отдельного повествования.

Иваны, помнящие родство

Всякий раз вздрагиваю внутренне, услышав или даже прочитав имя Господа нашего Христа, которым так щедро награждают своих мальчиков некоторые наши братья по вере — те же греки и болгары. Уточняю — не осуждаю, а просто не могу привыкнуть к этому и принять. Может, они так буквально слышали призыв Христа быть как дети (Мф. 18,3)? В конце концов, подбежать к уважаемому всеми взрослому человеку и дернуть его за бороду — привилегия малышей, не так ли?

Русским же людям нарекать своих чад именем Иисуса и в голову не придет. По сей день они привычно называют своих мальцов Иванами, и уже не первое столетие всех здешних мужчин именно так кличут за ближними и дальними пределами их необъятной сказочной земли. Правда, за глаза вкладывая почему-то в это имя некий уничижительный оттенок. И напрасно.

Издавна размышляя над феноменом исторического пристрастия русского человека именно к этому мужскому имени, автор этих строк пришел к выводу, которым, похоже, и утешился.

Вспомним, в Евангелии от Матфея Господь, говоря народу об Иоанне Крестителе, дает ему высочайшую характеристику, какую только мог заслужить земной человек: *«Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя...»* (Мф. 11,11).

Как часто под словом *послушание* понимаем мы немедленное и буквальное исполнение воли того, кого признали для себя авторитетом, в том числе и духовным. Вот и младшая моя дочь, только лишь начинаю я фразу, обращенную к ней, уже бежит, торопыга моя, — ты ведь не дослушала меня, привычно сокрушаюсь я. И впрямь, для того чтобы правильно исполнить, вначале следует правильно *услышать*. Какое удивительное *послушание* (именно послушание — так *услышать* слова Христа!) проявил русский человек. Ведь это такая радость — называть своих сыновей, дорогих своих мальчиков, продолжателей рода и фамилии именем, освященным пречистыми устами Самого Спасителя! А потому дерзну предположить, что число Иванов, Ванечек и Ванюшек в нашей стране не просто статистика, а некий показатель духовного состояния, духовного роста, духовной мощи русской нации.

В записках о. Павла Флоренского за 1915 год прочел: *«Знаю, что самое русское имя — Иван. Кротость, простоватость (или простота). У меня ноет желание, "желание чрева моего", иметь сына Ивана. Хочется родить сына Ивана. .. Удивительно, как среди студентов мало Иванов. Это худо. Очевидно, в духовной среде мало Иванов, а потому нет и ивановства: простоты и кротости»*.

9. Долгое прощание

Борьба за язык — это борьба за веру

Из уст московского священника с самым простым русским именем, совершившего в свое время надо мною Таинство Святого Крещения, довелось как-то услышать слова, сказанные с амвона и глубоко поразившие. С той проповеди, с мысли о родственной, корневой нерасторжимости в языке и в жизни нашей радости и страдания, неразрывной их связи с несением Креста, и началась, наверное, в душе моей эта книга. Обращаясь к пастве, батюшка сказал тогда еще и о том, что, пожалуй, единственное место в мире, где один говорит, а другие молча внимают ему, при этом нисколько не чувствуя себя ущемленными, — Православный храм.

С этих слов батюшки я начинаю, как правило, свои выступления в различных аудиториях, припомнил о них и сейчас. И именно потому, что не стремлюсь никого удивить лингвистическими изысками или, не приведи Господи, кого-то поучать. Наверняка некоторые рассуждения мои покажутся кому-то наивными, что тоже не лишено смысла, ведь я писал не научный трактат. Да и желание, водившее рукой моею, было иным: прежде всего и более всего — поделиться радостью. Великой, не проходящей с годами, а только усиливающейся радостью о замечательном, не имеющем себе равных русском языке. А также болью от лицемерия того, что творится ныне с языком нашим, на что его пытаются обречь, какую скорбную ему уготовляют судьбу.

Наблюдать, как оказалось, можно не только за погодой и животными, но и за языком. Свидетельствую, что занятие это не менее увлекательное, нежели следить за ходом небесных светил. Что-то удивительное и таинственное происходит в такие моменты с собственной твоей душой. И как хотелось бы поэтому, чтобы книга эта не прерывалась, а была продолжена многими и многими радостными озарениями ее будущих читателей. Ведь как важно — научиться *слышать*. Гордое слово *наука* — это и означает, по сути, *на ухо*. И тогда за каждым простым исконным русским словом увидим пусть небольшое, но чудо. А чудо — это и есть *чутти*, то есть *слышание*. Потому так близки и понятны слова святого Апостола: «Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10,17).

И как бы я был обрадован и вознагражден, если бы в ком-то размышления мои воспламенили ревность о родной речи, так жестоко попираемой ныне. А если возникнет ревность — появится боль. Ну, а где *боль*, там, глядишь, рядышком и *любовь* — это ведь сестры-близняшки.

Не случайно в один из трех эпиграфов к этой книге мною вынесен отрывок из стихотворения Анны Ахматовой «Мужество». Оно было написано ею в 1942 году в эвакуации, вдали от любимого города, находящегося в жестком кольце вражеской блокады. Поразительно, но посвящено оно именно родному языку как самой великой ценности, перед которой меркнут все иные, в том числе и жизнь.

В очередной раз перечитывая заключительные строки стихотворения, вдруг с содроганием сердца обнаружил, что слова: «*И внукам дадим, и от плена спасем...*» — обращены непосредственно к нам, к моему поколению. Анна Ахматова была одной из тех, кто сберег и передал русский язык нам — моим сверстникам, непосредственно мне. Дальше — дело за нами. Всё отныне будет зависеть от нашего мужества. Моего личного мужества. И чем дальше, тем настойчивее ощущение, что недалек, похоже, тот час, когда борьба за чистоту русской речи будет сродни исповеданию своей Православной веры.

Языкознание — точная наука

Многим я обязан языку. В том числе и честным знанием об истории народа, из среды которого я вышел. Когда-то приходилось уже писать о том, что наука о языке по точности и глубине не уступит математике. Если даже, последовав совету известного грибоедовского героя «*собрать все книги да и сжечь*», а вдобавок перевернуть или вовсе замолчать подлинную историю народа, останется-таки — пока он еще жив — его устное творчество. Те же пословицы и поговорки не только украшают язык, они обогащают нашу с вами повседневную речь. Более того, они еще и аккумулируют — для умеющего слышать — тончайшие нюансы этнопсихологии. Иная из них, взятая в отдельности, порой хранит, как в некоем загадочном тайнике, пронеся сквозь нескончаемую вереницу веков, куда больше бесценной информации о людях, выпестовавших ее, нежели иной многотомный высоконаучный изыск.

Так, моя покойная бабушка, укрощая природную вспыльчивость своего внука, нередко переходящую в гневливость, по обыкновению своему урезонивала меня поговоркой, передаваемой в Азербайджане из поколения в поколение, которая буквально звучит так: «*Враг тебя камнем, а ты его — пловом*». Разве не в этих поразительных словах, как в капле воды океан, отражено то главное, ради чего явлен был миру и принял крестные муки Богочеловек Иисус?!

Не мог не обратить внимание и на то, как, обращаясь к своим счастливым братьям — будь то удачная женитьба, отлично сданный экзамен или постройка собственного дома с пожеланием того же для себя, мои соплеменники непременно попросят везунчика: «*Возложи правую руку мне на голову!*» Странная традиция, не правда ли? Однако она вам ничего не напоминает? Вот и я, только придя в Церковь, догадался, откуда и как возникла эта древняя поговорка. Зная отныне, в каком направлении следует искать ответ, я нашел его. Воистину: «*ищите, и найдете*» (Мф. 7, 7).

Поразительная эта вещь — память, на каком бы уровне она ни проявлялась — будь то слух, зрение, обоняние. А еще есть память генетическая. Она продолжает жить в людях даже тогда, когда о ней и не помышляют, незримо влияя на слова и поступки, порой вопреки здравому смыслу и безупречной логике. Ведь даже травинка — и та растет на корнях, как любила говаривать моя мудрая бабушка.

Понимать себя

Преодоление множества кризисных явлений сегодняшнего периода российской истории невозможно без духовно-нравственного очищения и подъема общества, без опоры на классическую и народную, выдержавшую испытание временем русскую культуру и культуру народов России.

Россия живет тяжело. В раздорах, чиновничьем произволе, бедности. Но она живет и в Вере, и в Надежде, и в жажде созидания. Давайте же созидать ее вместе — под знаком русской классической литературы и великого Русского Слова.

Из резолюция XI Всемирного Русского Народного Собора

Подлинное взросление человека нередко наступает с момента, когда он начинает *понимать себя*, подлинную мотивацию собственных мыслей и поступков, их *происхождение*. Наверняка родословные древа заключают в себе, помимо иных, еще и эту функцию. Насколько же важно в этом контексте осознание своих подлинных корней — а значит, и духовных корней целой нации.

Замечательный этнолог Лев Николаевич Гумилев в известном трактате «Тысячелетия вокруг Каспия» в этой связи замечает: *«Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. "Нам нужны современность и знание о ней!" — этот тезис приходится слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом. Да и как не быть апломбу, если мнение столь очевидно и оспаривать его может только чужак?! Однако, если подумать, большинство очевидностей ложно. То, что солнце обходит плоскую землю очевидно, но ведь уже некому доказывать, сколь это неправильно... Тоже и в нашем случае. Достаточно спросить себя, откуда начинается так называемая "современность"? Пять минут тому назад? Или месяц? Или десятилетие? Или век, но если так, то почему не несколько веков? На этот вопрос еще никто не мог ответить. Это первое. И второе, ведь даже момент, любое переживаемое мгновение тут же становится прошлым. А раз так, то оно ничем не отличается от аналогичных же моментов до новой эры или после нее...»*

...Потоками слез и крови орошены эти омываемые Каспием благодатные земли, заманчиво простирающиеся для бесчисленных орд завоевателей на важнейшем перекрестке Великого шелкового пути. Не миновали их армии Александра Македонского и татаро-монгольская Орда, полчища Тамерлана. Но именно здесь, в древней Албании, наряду с Персией, также являющейся родиной предков современных азербайджанцев, восемнадцать веков назад воссиял свет Христовой веры.

Первым проповедником христианства в Албании явился святой Елисей, который был рукоположен первым Патриархом Иерусалима, братом Господним Иаковом, получившим себе в удел восточные страны. Ему же приписывают и строительство первой церкви в Албании в местечке Гис, которая была *«первоматерью всех церквей на Востоке»*. По мнению историков, основные районы его проповеди были на территории нынешнего Азербайджана: Огузского района и Карабаха. Таким образом, католикосы Албании получили рукоположение из самого Иерусалима, начиная со II века по Рождестве Христовом.

Но уже в середине V века на пути дальнейшей христианизации Албании, Армении и Иберии встал персидский царь Йездигерд II, который хотел насильно навязать народам

Закавказья огнепоклонство. Однако вера в этих краях к тому времени настолько окрепла, что после кровопролитной войны он вынужден был изречь: *«Кто чему желает поклоняться — пусть и поклоняется»*.

Пройдет еще два века — и в этот край хлынут лавиной арабские воины, неся новое учение на острие своих копий. Но соплеменники мои, и ныне упоминая о своей религиозной принадлежности, неизменно добавляют слово *«гылындж»*, что значит меч, памятуя таким образом о способе своего обращения в эту веру.

А ведь к тому времени Албания была процветающим государством с высокоразвитыми культурой и искусством, сформировавшейся и устоявшейся письменностью, которая продолжала долго существовать и после покорения страны арабами. И лишь в XII в. албанский алфавит, насчитывающий 52 буквы, предается забвению.

Минует еще два столетия — и в ходе возникшего здесь крупного народно-освободительного движения под руководством Бабека, беспримерно противостоящего иноземным захватчикам в течение целых двадцати лет, арабским армиям будут нанесены три страшных поражения; только в Азербайджане число его сторонников достигло 300 000 человек.

Бесстрашного воина сгубило предательство — и ему после четвертования отрубили голову. Затем руки, ноги и голову впили в живот, облили нефтью и подожгли. Таким же образом поступили и с его братом. Оба при этом не вскрикнули и не проронили ни единого вздоха. А потом, уже мертвого, прибили ко кресту в Самарре. Почему ко кресту? Незадолго до смерти Бабек крестился в Православие, и схвачен был, когда пробирался к своим единомышленникам в Византию, чтобы собраться там с силами. *«Крест Бабека»* — так называлось это место в течение столетий.

И сейчас можно услышать, как на Востоке расшалившихся не на шутку детей пугают *«бабайкой»*, который *«придет и накажет»*. Из тысячелетней глубины дошла до нас эта угроза, ибо так страшили своих непослушных чад арабские матери, на свой манер называя легендарного азербайджанского полководца. Вот и древний историк Ибн Тагриберди свидетельствует, что *«Бабек был героем своего времени и храбрецом, которого страшились в Халифате»*.

И поныне имя его свято чтится на его родине: оно воспето во множестве стихов и поэм, ему посвящены научные исследования и симфонические произведения, исторические романы и поэмы. О великом воине снят также грандиозный постановочный фильм, его имя присвоено ряду административно-территориальных единиц, его гордым именем продолжают называть новорожденных.

Но разве это не вопиющий парадокс, когда у народа, традиционно относимого к магометанству, общепризнанным национальным героем первой величины является историческая личность, мученически погибшая в непримиримой борьбе с теми, кто... принес на его землю эту самую веру?! Возможно, будущие национальные исследователи, вооружившись прежде мужеством, найдут вразумительный ответ на эту историческую загадку. И не в этой ли критической точке вершится мучительный психологический контрапункт народа, не здесь ли следует искать некий код к разгадке подлинных истоков целой череды его прошлых и нынешних трагических нестроений?

Азербайджанцы — разделенная нация. В нынешнем Иране их и сегодня проживает втрое больше, нежели на территории собственного суверенного государства. А ведь два тысячелетия назад отсюда, из этой земли, пришли восточные цари, те самые библейские

волхвы, чтобы поклониться Предвечному Младенцу и преподнести Ему драгоценные дары, которые по сию пору хранятся в монастыре Святого Павла на Святой горе Афон в Греции. В свое время к народам, населяющим эти земли, направится для проповеди Евангелия один из учеников Христа — святой апостол Фома. И именно от него те самые волхвы: Мельхиор, Каспар и Валтазар, которых называют еще восточными царями и чьи святые мощи покоятся ныне в Кельнском соборе, — примут Святое Крещение. Другой же святой апостол и ученик Спасителя, Варфоломей, будет распят и примет мученическую кончину от рук язычников в Баку.

Для автора этих строк и его соотечественников, большинство которых, возможно, впервые узнает об этой стороне известных событий, которые принято называть библейскими, существует и еще один важный аспект. И дело тут не только в том, что мы, в который раз вторя Пушкину, *«ленивы и нелюбопытны»*, а от себя добавлю — порой еще и трусоваты. Чрезвычайно важно, что предки наши отнюдь не находились на обочине мировой истории, как это пытаются представить порой иные лукавые литераторы и историки от политики. Более того, они приходили в непосредственное соприкосновение с ее величайшими вехами, положившими начало отсчету новой Христовой эры.

А потому на вопрос, задаваемый мне чаще всех иных, о котором терпеливый читатель, надеюсь, догадался и который поначалу ставил меня в тупик, с годами, кажется, пришел ответ. Полагаю, что среди давних предков моих были — не могли не быть — мученики за веру Христову. И это их святыми молитвами дан мне шанс (но только шанс!) перейти из непроглядной тьмы, в которой я так долго и мучительно копошился, к Свету. Иного объяснения у меня попросту нет, потому как в моей прошлой страшной жизни не нахожу ничего, чем заслужил бы явленную мне милость. И когда десять с половиной лет назад сказал почему-то жене своей, что если не покрещусь, наконец, то умру, даже и тогда не сознавал я того, насколько был близок к истине.

Ныне же прошу святого мученика Уара, имеющего дерзновение предстательствовать пред Христом об умерших в безверии и некрещеными, молиться Спасителю Нашему:

о прадеде моем Али Султанбеке Ирзабекове, который верой и правдой служил русскому Царю, дослужился до чина надворного советника, однако после отставки своей совершил хадж в Мекку; кстати, он первый в нашем роду получил высшее образование на русском языке;

о сыне его Шир Алибеке, участнике трех войн, который окончил классическую гимназию, преподавал в ней, а позже окончил университет, Школу красных командиров, дослужился до звания генерал-майора; заведовал отделом ЦК Компартии республики, был репрессирован и четыре года томился в тюремных застенках в ожидании смертного приговора по сфабрикованному политическому обвинению, каким-то чудом был оправдан; до пенсии трудился скромным школьным учителем, знал множество языков, больше всего на свете любил книги, обладал энциклопедической эрудицией и был убежденным атеистом;

о бабушке моей Бадам-ханум, которая еще в младенчестве моем (так уж сложилось) заменила мне мать; она была старшей дочерью купца первой гильдии Сеид Мамеда Ахундова, вложившего весь свой капитал в приобретение нефтеносного участка земли в бакинском пригороде, экспроприированного позже большевиками; единственная в нашем роду она получила высшее образование на национальном языке, будучи великой труженицей, до последнего своего часа учила в школе малышей; которая все жалела казненного царя и время от времени перепрыгивала тетрадь с переписанными ею от руки

стихами «запрещенного» поэта Сергея Есенина;

о деду моем Исрафиле Ибрагимове, отце моей матери, профессиональном революционере, заместителе председателя подпольной большевистской организации Закавказья, по заданию которой работал в руководстве жандармского управления края; после революции он стал народным комиссаром, возглавив в республике борьбу с бандитизмом и контрреволюцией; в сорок лет после страшных пыток и издевательств — ему живому выкололи глаза и сожгли бороду его бывшие соратники; он был казнен своей же властью и сброшен в безвестный нефтяной колодезь, так что и могилы его нет; позже той же властью он был реабилитирован и назван ею *«рыцарем революции»*;

о его жене Любви Азимовой, моей бабушке, уроженке Смоленской губернии, выброшенной после ареста и гибели мужа с тремя маленькими дочерьми на улицу;

о маме моей Назакет Ибрагимовой, ставшей матерью троих сыновей; много лет она жила со страшным клеймом дочери «врага народа», а на закрытом процессе над палачами своего отца, еще юная, выступала от лица детей репрессированных родителей и после этого много месяцев пролежала в больнице с нервным потрясением;

о моем отце Давуде, который, как и мама, побывал в шкуре сына «врага народа»; в войну, еще мальчиком, юнгой ходил на сухогрузе в Иран и тем помогал семье хоть как-то продержаться, пока не было отца и братьев, ушедших на фронт; позже он стал кадровым офицером, как и все мужчины в нашем роду, затем инженером, наделенным всевозможными талантами, ни один из которых так и не смог реализовать в полной мере; он любил читать мне книги на русском языке и первый привил мне любовь к литературе;

о нашем Алике, самом старшем брате отца, необычайно одаренном человеке, который ушел добровольцем на фронт, прибавив себе возраст, был пленен, прошел ад фашистских концлагерей, откуда бежал и сражался партизаном в Греции и Италии; после возвращения на родину был сослан в Сибирь, где прошел еще больший, по его же словам, ад ГУЛАГа и откуда тоже бежал; поступил даже в медицинский институт, но был изгнан как бывший в плену; в возрасте двадцати семи лет он умер на руках своей матери глубоким изможденным стариком;

о старшем брате отца Ниджате, которого в нашей семье за необычайную доброту и детскую наивность называли Пьером Безуховым; кадровый офицер и фронтовик, позже он стал хорошим врачом; поздно женившись, он все свое свободное время посвящал мне; прожив 11 лет с семьей в России, где местные жители называли его отчего-то Николаем Александровичем, после смерти матери он все же вернулся на родину; это именно он когда-то первым сказал мне, еще ребенку, удивительные слова о христианской вере и Христе, Которого очень любил, но так и не дошел до храма;

и о многих иных моих соотечественниках, таких разных людях, которые все до единого, возможно сами того не осознавая, как это случается порой с людьми, были согреты щедрым Русским Солнцем.

И нет такого мертвенного, холодного льда, который не растопило бы это Солнце, нет такой мерзости и скверны, которых бы Оно не выжгло. Как нет такого мрака, нет такой тьмы, которую бы не рассеяло великое Русское Солнце.

А еще я молюсь об упокоении души рабы Божией Евдокии, бабы Дуни, как называли ее в семье моей мамы, простой российской деревенской женщины. Она приехала в свое время в Баку, как многие тогда, спасаясь от голода, и стала помощницей в доме моего деда и няней его детей, по сути второй матерью. Когда же семья «врага народа» оказалась выброшенной

на улицу с «волчьим билетом», пошла работать на производство, что и спасло мою бабушку Любу, маму и ее сестер от неминуемой голодной смерти, а уже после она нянчила их детей, так и не обзавелась собственной семьей... И если задуматься, что есть Россия в моей жизни и судьбе, то, наряду со многим и многим, объяснимым и не поддающимся объяснению, это еще и баба Дуня. За нее, голубушку, в Церкви частицу вынимают.

Что делать, или Притча о лесорубе

Книга вот-вот завершится — уже надо откланиваться, пора и честь знать. И все же автору не по себе, что так и не прозвучало на ее страницах извечного русского вопроса. Вот именно — *а что делать?* Хороший вопрос, ничего не скажешь. Но если после всего сказанного кто-то ждет на сей счет еще каких-то рецептов, то их не будет. Одно знаю наверняка — и в жизни нашей, и в языке нашем все может еще счастливо перемениться, но только при одном всенепременном условии, если начнем — пусть мучительно, пусть со скрипом, натужно — но меняться мы сами.

А потому напоследок подарю-ка я моему дорогому читателю коротенькую, но очень мудрую притчу, которую еще ребенком услышал от наших стариков. В ней говорится о том, как в дубовую чащу пришел лесоруб, маленький человек с небольшим топором. Никто из деревьев на него и внимания не обратил, и только старый могучий дуб весь затрясся от страха, кивая в ужасе на топор. В ответ деревья помоложе стали стыдить его, говоря: *«Ну, как нам, могучим великанам, может навредить этот крошечный кусочек железа?»* — *«Не железа этого я боюсь, — ответил седой патриарх, — мне страшно при виде его рукоятки, ведь она из наших»*.

«Меня здесь русским именем когда-то нарекли...»

И, наконец, о том, что мучило и не давало покоя много лет и только недавно, кажется, отпустило. А виною всему русская пословица: *«Где родился — там и сгодился»*, что жила во мне ядовитой занозой и немым укором. Будем честны, помимо прав юридических, о которых нам так много ныне твердят, существуют — слава Богу! — права нравственные, которые сегодня не в чести. Есть ли у меня, человека другой национальности, рожденного в ином крае, в иной традиции, моральное право говорить, а теперь еще и излагать на бумаге все это?

Непростой вопрос, но с некоторых пор все чаще вспоминаю о том, что, в отличие от многих и многих соотечественников моих, родился еще раз я в возрасте сорока двух лет. На сей раз для жизни вечной. И произошло это главное событие всей моей жизни в небольшом, но дивном московском храме Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, Подворье Патриарха Московского и всея Руси. Случилось, как в известной песне: *«Меня здесь русским именем когда-то нарекли...»* Так что, простите, Христа ради, если что не так.

А книга моя подошла к концу, и я благодарен вам, говорю вам спасибо — спаси Бог — за долготерпение ваше, а ведь это молитва за вас. И, возможно, кто-то из прочитавших ее скажет мысленно спасибо мне. И это будет молитва за меня, грешного.

Будем прощаться. А жаль, мне было так хорошо с тобой, мой добрый читатель. Азербайджанец бодро скажет: *«sağ ol!»*, что значит *«будь здоров!»*. Персиянин нежно пропоет *«худа хафиз»*, что дословно означает *«препоручаю Богу»*. Английское *«гуд бай»* — то же, что и *«всего доброго»*. Итальянское *«чао!»* звучанием своим напомнит нам русское *«отчаливай»*. Турок воскликнет *«хай дэ гюле-гюле!»*, пожелав напоследок чаще смеяться. Русский же, расставаясь, промолвит: *«Прощай»*. Словно попросит прощения за обиды, вольные или невольные, ведь одному Богу ведомо, увидимся ли еще, расставаться же следует с легким сердцем, чтобы не поминали лихом.

Вот и я, прощаясь, прошу у вас прощения. За что? Возможно, и за то, что время, потраченное на это чтение, покажется кому-то потерянными зря. И чем смогу тогда оправдаться? Наверное, только репликой одной шекспировской героини: *«Любовью я богаче, чем словами...»* И разве не случалось порой обидеть человека нечаянно, даже не подозревая об этом?..

Воистину удивителен язык русский. В нем и прощание — сродни молитве...

...Еще и потому пока дышу,

Пою и плачу, и молюсь

По-русски,

И только так — живу,

Иначе бы не смог,

Что полночь за полночь,

Едва уткнусь в подушку,

Меня целует

В темную макушку

Отец Благим —

Пресветлый

Русский

Бог.

*Ирзабеков Фазиль Давуд оглы, в Святом Крещении Василий
Май 2006*

FB2 document info

Document ID: 75855874-0a88-4d48-999e-a02922f560d6

Document version: 1.01

Document creation date: 28 December 2008

Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

- FB2Fix

Source URLs :

- <http://slovník.narod.ru/rus/tajny/index.html>

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon